

Еда как Проявление Твоей Заботы

Исследование Этических Вопросы
Употребления в Пищу Животных

Гэри Л. Фрэнсион
Анна Чарлтон

Эта книга имеет своей целью предоставить достоверную информацию относительно предмета, которому она посвящена; однако, в эпоху быстрых перемен, гарантировать, что вся представленная информация

актуальной во все времена, не всегда представляется возможным. Поэтому, авторы и издатель не несут никакой ответственности за неточности или упущения, и в частности снимают с себя любую ответственность, убытки или риски, персональные или иные, которые могут возникнуть в качестве последствия, прямо или косвенно, использования и/или применения любой из частей содержания этой книги.

Еда Как Проявление Твоей Заботы

Исследование Этических Вопросов Употребления в Пищу Животных

**Гэри Л. Фрэнсион
Анна Чарлтон**

**Перевод:
Алексей Шульга
Елена Перцева**

Посвящается приблизительно 57 миллиардам наземных животных и одному триллиону водных, которых мы истребим в целях потребления в следующем году.

Так много страданий.

Так много смерти.

Все так напрасно.

Все так неправильно.

Оглавление:

Благодарность	7
Вступительное слово	8
Два момента прежде, чем мы начнем.....	11
I. Мы Все — Майкл Вик: Наша Моральная Шизофрения	12
Помните Майкла Вика?	12
Проблема: Мы Все — Майкл Вик	14
Оплата грязной работы, сделанной чужими руками	18
Нет никакого различия между мясом и другими продуктами животного происхождения	20
Помните Мэри Бэйл?	22
Помимо Собак и Кошек	23
II. «Но...» Наши Оправдания и Почему Они Не Работают.....	25
Но... Откуда вы берете белок?	26
Но... Буду ли я получать достаточно железа, если я не ем мясо?	27
Но... Буду ли я получать достаточно кальция, если я не употребляю молоко и другие молочные продукты?	28
Но... Будут ли мои дети получать достаточно йода?	29
Но... Я слышал о человеке, который заболел, перестав употреблять продукты животного происхождения.	30
Но... Разве Бог не хочет, чтобы мы ели животных?	32
Но... Разве употребление продуктов животного происхождения не «естественно»?.....	35
Но... Что если бы все ели только растительные продукты? Не хватило бы земли для выращивания еды!.....	37
Но... Что если бы я оказался на необитаемом острове, умирая от голода?	39
Но... Что случилось бы со всеми этими животными, если бы мы не ели их?	42
Но... Как насчет природного разнообразия?	43
Но... Как насчет их права на жизнь?	44
Но... Как насчет их права на размножение?	45
Но... Мы дали жизнь пищевым животным, чтобы есть их; они для этого здесь и находятся.....	46
Но... Животные, используемые для еды, не страдают также сильно, как собаки, используемые для боев.....	47
Но... Чувствуют ли животные боль также, как люди?	49
Но... Действительно ли рыба чувствует боль?	51
Но... Разве не существует законов, требующих «гуманного» обращения с животными? ..	52
Но... Что если бы мы улучшили обращение с животными, которых мы используем для еды?	55

<i>Но... Что если бы мы обращались с животными, которых мы используем для еды, также, как мы обращаемся с нашими домашними питомцами?</i>	57
<i>Но... Разве мы не должны сначала решить вопросы прав человека?</i>	61
<i>Но... Как насчет Гитлера? Он был вегетарианец.</i>	63
<i>Но... Как насчет растений?</i>	64
<i>Но... Употребление в пищу продуктов животного происхождения — это традиция.</i>	67
<i>Но... Мы находимся на вершине пищевой цепи.</i>	69
<i>Но... Я знаю людей, практикующих веганскую диету, которые любят поучать (или лицемерны).</i>	70
<i>Но... Разве то, что я ем, не является моим личным выбором?</i>	71
<i>Но... Я занят и быстро перекусить гамбургером просто более удобно.</i>	72
<i>Но... Одни животные поедают других.</i>	73
<i>Но... Я никогда не смог бы отказаться (от моей любимой еды).</i>	74
<i>Но... Моя семья и друзья расстроятся, если я перестану потреблять животную пищу.</i>	75
<i>Но... Мой партнер не согласится с этим, даже если я захочу.</i>	77
<i>Но... Разве питаться веганской пищей не дорого и сложно?</i>	78
<i>Но... Я слишком стар, чтобы меняться.</i>	80
<i>Но... Я слишком молод, чтобы меняться.</i>	81
<i>Но... Что если я не могу сразу отказаться от всех продуктов животного происхождения?</i>	82
<i>Но... Разве употребление продуктов животного происхождения, приготовленных более «гуманно», не может служить хорошим первым шагом?</i>	83
<i>Но... Разве переход на вегетарианство не является хорошим первым шагом?</i>	85
<i>Но... Если я соглашаюсь с тем, что не могу продолжать есть мясо и другие продукты животного происхождения, должен ли я отказаться от использования животных для любых целей?</i>	86
III. Заключение	87
Для Дальнейшего Чтения	89
На тему этики взаимоотношения с животными	89
Книги:	89
Online Resources / Ресурсы в Интернет:	89
На тему питания и медицины	89
На тему практической информации о веганизме	89
Об Авторах	91

Благодарность

Спасибо Марианне С. Гонсалес (Mariana C. Gonzalez), Аруне Лопес (Aruna Lopez), Линде Маккензи (Linda McKenzie), и Мелиссе Резник (Melissa Resnick) за их предложения по редакции.

Спасибо Винсенту Гуинхану (Vincent Guinhan), Марианне С. Гонсалес (Mariana C. Gonzalez), Фоппе де Хаан (Forre de Naan) и Кевину О'Кифи (Kevin O'Keeffe) за помощь в процессе создания.

Вступительное слово

Количество животных, которых мы используем для еды, поистине огромно. Согласно данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) (англ. Food and Agriculture Organization of the United Nations, FAO), люди убивают более 57 миллиардов животных в год ради еды. Один миллиард — это тысяча миллионов. Это число не включает в себя рыбу и других водных животных, которых мы потребляем. Их количество оценивается, по крайней мере, еще в один триллион. Один триллион — это миллион миллионов.

Это совершенно ужасающее количество страданий и смерти.

Если вы похожи на большинство людей, вам нравятся животные. Фактически, вы можете даже считать себя «любителем животных». Но одновременно с этим вы, возможно, едите мясо, молочные продукты, яйца и другие продукты животного происхождения.

Вы задумывались над этим, и это вызывало у вас беспокойство. Вы подозреваете, что процесс выращивания и убийства животных довольно жесток, и не знаете, как реагировать на это.

Будучи в детском возрасте, большинство из нас испытало ужас, узнав, что мы едим животных — существ, которых, по крайней мере, в абстрактном смысле, мы любим. Чтобы вселить в нас уверенность, наши родители рассказывали нам то одну, то другую историю, как, например, что Бог хочет, чтобы мы ели животных, или что мы будем слабыми и больными, если не будем есть продукты животного происхождения, и поэтому мы выросли терпимыми по отношению к их поеданию.

Когда мы стали старше, мы сохраняли наше нравственное спокойствие по этому поводу путем убеждения себя многими оправданиями, которые освещены в этой книге. Широкая распространённость этих оправданий наряду с тем фактом, что они совершенно не удовлетворяют нас, показывают очень четко, что здесь что-то не так.

И сразу появляется движение, преследующее цель учесть нашу озабоченность путем предложения нам продуктов «свободного выгула», продуктов «без клеток», и целый набор другого «счастливого» мяса и продуктов животного происхождения. Ответ ли это? Разве выход в том, чтобы продолжать потреблять якобы «гуманно» произведенные продукты животного происхождения? Или наша детская реакция на все происходящее была правильной? Должны ли мы полностью перестать потреблять продукты животного происхождения?

Что мы должны думать о проблеме употребления в пищу животных и продуктов животного происхождения? Это все так запутанно.

Целью этой книги является сделать этот вопрос менее запутанным.

Мы собираемся отстаивать простое утверждение:

Если животные хоть что-нибудь значат в моральном плане, мы не можем потреблять их или сделанные из них продукты, и обязаны перейти на веганскую диету, или диету, состоящую из овощей, фруктов, зерновых, бобовых, орехов и семян, и исключаящую любое мясо, рыбу, молоко, сыр, другие молочные продукты, и яйца.

Мы не собираемся выдвигать общий аргумент за права животных.

Мы не собираемся отстаивать мнение, что животные и люди обладают одинаковой моральной ценностью.

Мы собираемся сосредоточиться на двух принципах, с которыми вы и любой другой уже согласны, и надеемся показать, что, основываясь просто и исключительно на этих двух принципах, мы не можем оправдать употребление продуктов животного происхождения. Эти принципы побуждают нас к принятию веганской диеты.

Этими принципами, представляющими собой широко распространенные моральные нормы поведения и составляющими наше *общепринятое мнение* на тему этики взаимоотношения с животными, являются:

Первым принципом является наличие у нас морального обязательства не причинять ненужные страдания животным.

Никто не спорит с этим.

Мы, конечно, могли бы начать интересную и долгую дискуссию относительно того, что значит «необходимость» и в каком случае страдание или вред являются необходимыми. Но определение того, что такое необходимость как абсолютная категория, не является нашей целью.

Все, что требуется, это наше общее согласие с тем, что необходимым *неявляется*: мы все согласны, что не стоит причинять страдания животным из соображений удовольствия, развлечения, или удобства.

Таким образом, хотя мы можем иметь различные мнения относительно того, являются ли отдельные примеры страданий животных обоснованными, мы бы все согласились с тем, что страдание, причиненное животным просто потому, что это доставляет нам удовольствие, или потому, что мы находим это забавным или удобным, не является необходимым.

Второй принцип состоит в том, что, хотя животные имеют моральное значение, люди значат больше.

Некоторые из нас думают, что люди значат больше, поскольку они созданы по образу и подобию Бога и имеют души. Некоторые из нас могут совсем не верить в Бога, но также считают, что люди в целом значат больше, или потому, что у них есть определенные способности — они могут писать симфонии и стихи, рисовать картины, или конструировать дома или бомбы.

Это действительно не важно, почему большинство из нас думает, что люди значат больше, и также не важно, есть ли аргументы в защиту этой идеи. Давайте просто предположим, что это правда.

Следствием этого второго принципа является то, что, если возникает конфликт, вынуждающий сделать выбор между человеком и животным, мы должны предпочесть человека. Например, если мы в спасательной шлюпке еще с одним человеком и собакой, и столкнулись с некой чрезвычайной ситуацией, которая вынуждает нас выбросить одного за борт, собака проиграет этот выбор. Собака имеет значение, но человек значит больше.

Мы могли бы утверждать, что нет практически ни одного человека, кто бы не соглашался с этими двумя принципами, или сомневался, что они являются широко распространенными моральными установками. Да, существуют люди, которых совсем не заботит моральная сторона отношения к животным. И что же? Существуют люди, у которых нет морального отношения к другим людям. Равно как этот факт не отменяет нашего морального отношения к другим людям, тот факт, что некоторые люди не относятся с моралью к животным не отменяет того, что многие люди относятся и те, у которых нет морального отношения, представляют меньшинство. Практически каждый считает, что животные обладают определенной моральной ценностью и не считает их просто вещами.

Итак, давайте подведем итог. Мы утверждаем, что наше общепринятое мнение о животных следующее:

1. У нас есть моральное обязательство не причинять ненужных страданий животным; страдание, причиненное просто по причине удовольствия, развлечения, или удобства, является, по определению, ненужным.

2. Животные обладают определенной моральной ценностью, но все же значат меньше, чем люди; в ситуации конфликта между человеком и животным, животное проигрывает.

Мы не будем исследовать эти широко распространенные моральные установки. Мы оставим их и покажем вам, что если вы с ними согласны, они обязывают вас к тому, чтобы вы прекратили употреблять продукты животного происхождения, даже не задумываясь о правах животных, не говоря уже о глубоком осмыслении этого понятия.

В общем, мы надеемся убедить вас в том, что *то, во что вы уже верите*, обязывает вас перейти на исключительно растительную — или веганскую — диету.

Два момента прежде, чем мы начнем

Во-первых, если вы на сегодняшний день употребляете продукты животного происхождения, вам может показаться, что мы нападаем на вас. Мы не нападаем на вас и не хотим, чтобы вам казалось, что это так.

Употребление продуктов животного происхождения считалось нормальным большинством из нас на протяжении всей нашей жизни. У всех нас остались нежные воспоминания о семье и друзьях во время праздников и других особенных случаев, и на них всегда подавалась пища животного происхождения различных видов.

Цель этой книги не в том, чтобы обвинить вас. Речь не об осуждении. Напротив, она призвана помочь вам иметь ясное представление о том, что вы считаете моральной проблемой, беспокоящей вас внутри. В той степени, в какой что-то из того, что мы говорим, может провоцировать или раздражать вас, мы просим вас, пожалуйста, попробовать абстрагироваться от вашей реакции, чтобы понять, имеет ли смысл то, что мы говорим.

Во-вторых, для того, чтобы книга легче читалась в плане стиля и длины, мы отказались от растянутых презентаций, принятых в традиционной академической науке. Мы также не включили многие сноски. Однако фактические утверждения, которые обычно фигурируют в ссылках, по большей части, не вызывают сомнений и могут быть легко подтверждены.

I. Мы Все — Майкл Вик: Наша Моральная Шизофрения

Помните Майкла Вика?

Помните всю эту шумиху вокруг игрока в американский футбол Майкла Вика, который был тогда квотербеком в клубе Атланта Фальконс, и его участия в организации собачьих боев на территории, которой он владел в Вирджинии?

Конечно, да. Это неделями без остановки освещалось в средствах массовой информации с того момента, когда это вышло наружу в 2007 году и снова, когда Вик вышел из тюрьмы в 2009 и заключил контракт с Филадельфия Иглс. Он финансировал, принимал участие, и получал прибыль от собачьих боев. Он не только оказался замешанным в организации собачьих боев, но лично убил несколько не понравившихся ему собак.

Люди были не просто расстроены; они были в ярости от Вика и многие остаются до сих пор. Есть футбольные фанаты — фанаты Иглс — которые в настоящее время бойкотируют Иглс из-за Вика. Вик продолжает извиняться, но люди просто не простят его. Он все еще продолжает появляться в выпусках новостей.

Почему наша реакция на Вика настолько сильна?

Потому ли, что у собак есть права и мы не можем заставлять их страдать по какой бы то ни было причине?

Нет, не поэтому. Нам может не нравиться мысль о страдании собаки, но могут быть обстоятельства, в которых у нас есть достаточное основание, чтобы причинить ей вред. Например, если вы идете по улице, думая о своих делах, и собака нападает на вас, вы можете оказаться в ситуации, когда вы должны будете причинить вред собаке из самообороны. Вы можете быть за использование собак в биомедицинских экспериментах, если считаете, что это приведет к обнаружению лекарства от какой-либо болезни.

Ключом к пониманию того, почему мы были и все еще очень рассержены на Вика, служит акцент на словах «веская причина». Вик совершил варварство: он заставил собак страдать и умирать, и единственная причина, которую он имел для этого, было то, что он получал от этого наслаждение; он получал удовольствие от вида собачьих боев и от своего участия в этом.

Но никто не согласится считать удовольствие Вика от собачьих боев веской причиной, оправдывающей то, что он сделал.

Почему нет?

Опять же, ответ прост.

Мы все согласны, что неправильно причинять *ненужные* страдания или вред животным. Мы можем спорить о том, существует ли необходимость в каждой конкретной ситуации. Вы можете полагать, что возможность получения определенных данных в мучительных биомедицинских экспериментах с использованием собак оправдана; другие (и мы в их числе) не согласились бы с этим.

Но подавляющее число из нас согласится, что наслаждение или удовольствие *не могут* составлять необходимость или служить в качестве веской причины для причинения страданий собакам.

Рассмотрим пример в человеческом контексте: если человек говорит, что считает аморальным причинять ненужные страдания детям, но что бить детей ради удовольствия морально приемлемо,

мы, конечно, будем смущены. Оставляя в стороне вопрос о том, является ли вообще мысль о причинении страданий детям хорошей идеей, если наслаждение может служить в качестве веской причины, чтобы бить детей, тогда их можно бить по любому поводу. *Любая* причина будет достаточной, чтобы бить детей; *все* страдания, причиненные избиениями детям, по определению, обоснованы. Если удовольствие или наслаждение могут оправдать причинение страданий детям, тогда принцип того, что неправильно причинять ненужные страдания детям, был бы лишен смысла.

Аналогичный анализ правомерен, если бы мы говорили о человеке, который бьет собаку, а не ребенка. Никто не будет спорить, что бить собаку ради удовольствия аморально, даже если он или она считает, что приемлемо бить собаку, написавшую на ковер. И именно поэтому мы все осудили то, что сделал Майкл Вик; у него не было веской причины делать то, что он сделал.

Поэтому, дело Вика заключает в себе обе моральные установки, которые мы ранее обсуждали. Вик причинил страдания животным и не имел на это веской причины. И хотя мы не считаем, что собаки имеют такую же моральную ценность, как люди, — многие из нас, например, согласились бы «принести в жертву» животное, чтобы найти лекарство от какой-нибудь болезни, — не было никакого конфликта между людьми и животными, который бы потребовал от нас «пожертвовать» интересами собак. Единственный «конфликт», который был у Вика, было его желание использовать их ради своего удовольствия, которое было несовместимо с их жизнью и здоровьем.

И это не тот тип конфликта, который имеет значение.

Страдание, которое причинил Вик, было абсолютно ненужным.

Проблема: Мы Все — Майкл Вик

Проблема в том, что употребление в пищу животных и продуктов животного происхождения, с точки зрения морального анализа, ничем не отличается от собачьих боев.

Мы убиваем и употребляем в пищу более 57 миллиардов животных в год, не считая рыбу и других водных животных, что составляет, по крайней мере, еще один триллион животных. Миллиард — это тысяча миллионов. Триллион — это миллион миллионов. Поэтому, каждый год мы ответственны за чудовищное количество смертей.

Никто не сомневается, что использование животных в качестве еды приводит к причинению сильных страданий при самых благоприятных обстоятельствах, и, как неизбежное условие, к убийству животных. Хотя многие из нас полагают, что молочная и яичная индустрии не связаны с убийством животных, это, как мы увидим более подробно далее, не так.

Так давайте применим анализ, относительно которого мы все согласились, что он не вызывает спора, к вопросу использования животных в качестве еды: у нас есть веская причина? Есть ли в этом хоть какая-нибудь необходимость?

Короткий ответ: нет.

Но подождите! Разве мы не должны есть животных и продукты животного происхождения, чтобы быть здоровыми?

Нет.

Никто не утверждает, что употребление в пищу животных необходимо с медицинской точки зрения. Ведущие профессиональные организации, включая Академию Питания и Диетологии (*Academy of Nutrition and Dietetics*), Американскую Диабетическую Ассоциацию (*American Diabetes Association*), Американскую Ассоциацию Кардиологов (*American Heart Association*), Британскую Диетологическую Ассоциацию (*British Dietetic Association*), Британскую Организацию Питания (*British Nutritional Foundation*), Ассоциацию Диетологов Австралии (*Dietician's Association of Australia*), Диетологов Канады (*Dietitians of Canada*), Организацию по борьбе с болезнями сердца и инсультом (*Heart and Stroke Foundation*); исследовательские и учебные организации, включая, Клинику Майо (*Mayo Clinic*), Центр Здоровья Университета Калифорнии (*UCLA Health Center*), Школу Медицины Университета Пенсильвании (*University of Pennsylvania School of Medicine*), и Школу Медицины Университета Питтсбурга (*University of Pittsburgh School of Medicine*); правительственные агентства, такие как Британская Национальная Служба Здоровья (*British National Health Service*), Национальный Институт Здоровья (*National Institute of Health*), и Диетические Рекомендации Американского Департамента Сельского Хозяйства и Американского Департамента Здравоохранения и Социальных Услуг (*U.S. Department of Agriculture and U.S. Department of Health and Human Services*); и даже крупные управляемые медицинские организации, такие как Кайзер Перманенте (*Kaiser Permanente*), все признают, что качественная веганская диета является совершенно адекватной для человеческого здоровья, а некоторые из этих групп заявляют, что веганская диета может даже иметь значительные преимущества для здоровья по сравнению с диетой, содержащей продукты животного происхождения.¹

¹ Смотрите, например,

Academy of Nutrition and Dietetics (www.eatrightpro.org/resource/practice/position-and-practice-papers/position-papers/vegetarian-diets); *American Diabetes Association* (www.diabetes.org/food-and-fitness/food/planning-meal-planning-for-vegetarians/); *American Heart Association* (www.heart.org/HEARTORG/GettingHealthy/NutritionCenter/Vegetarian-Diets_UCM_306032_Article.jsp); *British Dietetic Association* (www.bda.uk.com/foodfacts/vegetarianfoodfacts.pdf); *British National Health Service* (www.nhs.uk/Livewell/Vegetarianhealth/Pages/Vegandiets.aspx); *British Nutrition Foundation* (www.nutrition.org.uk/publications/briefingpapers/vegetarian-nutrition); *Dietary Guidelines of the*

Большинство врачей с возрастающей частотой указывает на то, что продукты животного происхождения на самом деле вредны для здоровья человека.

Мы могли бы сейчас пуститься в долгое обсуждение многих исследований, показывающих, что продукты животного происхождения вредят вашему здоровью, но нам не нужно это делать, потому что независимо от того, согласны вы или нет с тем, что животная пища вредит вашему здоровью, совершенно точно не существует аргумента в пользу того, что пища животного происхождения *необходима* для оптимального здоровья. То есть, даже если мы не верим в то, что будем *более* здоровыми на разумно сбалансированной веганской диете, у нас нет оснований полагать, что мы будем менее здоровыми.

Существует также широкий консенсус относительно того, что животноводство является экологическим бедствием. Хотя оценки разнятся, нет сомнений в том, что продукты животного происхождения представляют собой неэффективное использование растительного белка при котором животные вынуждены потреблять большое количество фунтов зерна или фуража, чтобы произвести один фунт мяса. Например, согласно данным Профессоров Корнелльского Университета (*Cornell University*) Дэвида Пайментел (David Pimentel) и Марши Пайментел (Marcia Pimentel),² требуется 13 килограмм (один килограмм равен 2,2 фунтам) зерна и 30 килограмм фуража, чтобы произвести один килограмм говядины; 21 килограмм зерна и 30 килограмм фуража, чтобы произвести один килограмм молодой баранины; 5,9 килограмм зерна, чтобы произвести один килограмм свинины; 3,8 килограмма зерна, чтобы произвести один килограмм индейки; 2,3 килограмма зерна, чтобы произвести один килограмм куриного мяса, и 11 килограмм зерна, чтобы произвести один килограмм яиц. Поголовья скота в США потребляют в 7 раз больше зерна, чем все население США, а зерном, уходящим на питание скота, можно было бы накормить 840 миллионов человек, находящихся на растительной диете.

В исследовании Пайментел (Pimentel) говорится, что производство одного килограмма животного белка требует в 100 раз больше воды, чем производство одного килограмма белка из зерновых культур. Согласно другому исследованию,³ производство одного килограмма говядины требует 15

U.S. Department of Health and Human Services (www.health.gov/dietaryguidelines/2010/); Dietitians Associations of Australia (daa.asn.au/for-the-public/smart-eating-for-you/nutrition-a-z/vegan-diets/); Dietitians of Canada (www.dietitians.ca/Your-Health/Nutrition-AZ/Vegetarian-Diets/Eating-Guidelines-for-Vegans.aspx); Heart and Stroke Foundation (www.heartand-stroke.com/site/c.ikQLcMWJtE/b.3484249/k.2F6C/Healthy_living_Vegetarian_diets.htm); Kaiser Permanente (www.thepermanente-journal.org/issues/2013/spring/5117-nutrition.html); Mayo Clinic (www.mayoclinic.org/healthy-lifestyle/nutrition-and-healthy-eating/in-depth/vegetarian-diet/art-20046446); National Institutes for Health (www.nlm.nih.gov/medlineplus/vegetariandiet.html); University of California (Los Angeles) Medical Center (www.dining.ucla.edu/housing_site/dining/SNAC_pdf/Vegetarianism.pdf); University of Pennsylvania School Of Medicine (www.pennmedicine.org/encyclopedia/em_DisplayArticle.aspx?gclid=002465); University of Pittsburgh Medical Center (www.upmc.com/healthlibrary/Pages/HealthwiseIndex.aspx?qid=abq2485).

² Дэвид и Марша Пайментел “Устойчивость мясной и растительной диет, и окружающая среда”. David Pimentel and Marcia Pimentel, “Sustainability of meat-based and plant-based diets and the environment,” *American Journal of Clinical Nutrition* 2003; 78 (suppl): 660S-3S, available at ajcn.nutrition.org/content/78/3/660S.full.pdf

³ Объединение Инженеров-Механиков, Глобальная Еда: Не Потеряешь, Не Найдёшь (2013). Institution of Mechanical Engineers, *Global Food: Waste Not, Want Not* (2013), at 12, available at: www.imeche.org/docs/defaultsource/peports/Global_Food_Reports.pdf

415 литров воды (галлон составляет 3,78 литров); овечье мясо (ягненок и баранина' — 10 412 литров; свинины — 5 988 литров; и курицы — 4325 литров воды. Производство одного килограмма яблок требует 822 литра воды; бананов — 790 литров; капусты — 237 литров; томатов — 214 литров; картофеля — 287 литров; и риса — 2 49" литров. Согласно большинству оценок, чтобы произвести один галлон молока необходимо от 1000 до 2000 галлонов воды.

Согласно данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) животноводство ответственно за выброс в атмосферу большего количества парниковых газов, напрямую связанных с глобальным потеплением, чем горючее для транспорта.⁴ Согласно данным Института Глобального Мониторинга (*Worldwatch Institute*), на долю животноводства приходится приблизительно 51% общемировых выбросов парниковых газов от человеческой деятельности. Кроме того, для получения продукта, сделанного из животных, требуется значительное количество ископаемого топлива. Среднее количество затрат ископаемого топлива для всех источников животного белка составляет 25 килокалорий ископаемого топлива на 1 калорию произведенного животного белка, что более чем в 11 раз больше, чем для производства белка из зерна.⁵

Современные интенсивные технологии в животноводстве, известные как «специализированные животноводческие хозяйства» (*factory farming*), развились таким образом, чтобы поставлять на рынок большое количество животных быстрее, с меньшими расходами, и используя намного меньше земли. Это, конечно, без учета земли, необходимой для выращивания зерновых и сои, которыми этих животных кормят, поэтому специализированные животноводческие хозяйства представляет собой все что угодно, но не эффективное использование земли. Один акр земли мог бы дать пищу значительно большему количеству людей, находящихся на веганской диете, чем тем, кто потребляет продукты животного происхождения.

Хотя подобные практики производят более дешевую еду, деятельность специализированных животноводческих хозяйств, или концентрированных производств откормочных животных (*concentrated animal feeding operations, CAFOs*), согласно сообщениям Американского Агентства по Охране Окружающей Среды (*United States Environmental Protection Agency, EPA*), имеет серьезные последствия для окружающей среды. Например, Американский Департамент Сельского Хозяйства (*United States Department of Agriculture, USDA*) сообщает, что в США ежегодно производится 1,37 миллиардов тонн твердых отходов животноводства (в 130 раз больше, чем отходов от жизнедеятельности человека в стране). Избыточное количество азота, обнаруживаемое в этом навозе, может с легкостью превращаться в нитраты, которые, согласно данным EPA, загрязняют питьевую воду приблизительно 4,5 миллионов человек. Когда нитраты обнаруживаются в грунтовой воде, они могут быть смертельны для младенцев⁶

Стоки в воду и почву от специализированных животноводческих хозяйств также ответственны за загрязнение грунтовых вод и широкое распространение гормонов. Добавление антибиотиков в пищу и воду домашней птицы, рогатого скота, свиней является обычным делом для усиления роста и профилактики инфекций, вызванных антисанитарией, концентрированным содержанием; приблизительно 80% всех производимых антибиотиков идет на питание животных, используемых для еды.

Использование антибиотиков в животноводстве и их соответствующее распространение может приводить к нечувствительности к антибиотикам у людей.

⁴ Отдел новостей ФАО / FAO Newsroom, www.fao.org/newsroom/en/news/2006/1000448/

⁵ Смотрите исследование Пайментел / See Pimentel Study

⁶ Комиссия по промышленному Животноводству Pew Commission on Industrial Farm Animal Production, at www/nrdc.org/food/saving-antibiotics.asp

Животноводство также ответственно за загрязнение вод, исчезновение лесов, эрозию почвы, и все виды неблагоприятных последствий для окружающей среды. Опять же, можно поспорить с некоторыми деталями, но *никто* не может достоверно утверждать, что животноводство не является абсолютным негативом в случае, когда речь идет об окружающей среде.

Итак, в конце концов, что является лучшим оправданием, которые мы имеем для причинения страданий и смерти 57 миллиардам наземных животных и, по меньшей мере, одному триллиону водных, которых нам нет нужды употреблять в пищу, и учитывая, что это потребление приводит к истощению окружающей среды?

Еда из животных вкусна.

Нам нравится вкус животной плоти и продуктов животного происхождения.

Мы считаем употребление продуктов животного происхождения удобным. *Это привычка.*

Так чем же именно потребление нами продуктов животного происхождения отличается от собачьих боев Майкла Вика?

Ответ: ничем.

У нас не большой конфликт с животными, которых или продукты из которых мы хотим съесть, чем конфликт Майкла Вика с животными, которых он хотел использовать для боев.

Викку нравилось сидеть вокруг арены для боев, наблюдая за боем собак. Остальным из нас нравится собираться вокруг барбекю, поджаривая трупы животных, с которыми обращались также плохо, если не хуже, чем с собаками Вика.

Нет никакой разницы между получением наслаждения от собачьих боев и вкусовым удовольствием, которое мы получаем от поедания продуктов животного происхождения. В обоих случаях, чудовищное страдание. В обоих случаях, в этом нет никакой необходимости.

Мы все — Майкл Вик.

Оплата грязной работы, сделанной чужими руками

В этот момент вы можете возмутиться и подумать, или даже сказать вслух: «Конечно, разница есть! Вик непосредственно участвовал в собачьих боях и наслаждался страданиями. Я же просто покупаю продукты животного происхождения в магазине».

Мы без сомнения получаем удовольствие от результата страданий и смерти животных, но, в отличие от Вика, не радуемся самому *процессу* причинения страданий и смерти.

Хотя это может быть правдой, это не имеет значение с моральной точки зрения.

Как вам скажет любой студент-первокурсник, изучающий юриспруденцию, уголовное право совершенно определенно устанавливает, что нет никакой разницы между тем, что вы сами нажимаете на курок, или нанимаете кого-нибудь другого, чтобы сделать это. В обоих случаях, это — убийство. Может быть правдой, что человек, нажимающий на курок, вонзающий нож, или рубящий топором является в каком-то смысле менее «приятным» лицом, чем тот, кто просто платит гонорар. В конце концов, требуется определенный тип человека, который был бы способен совершить физический акт убийства другого человека. Человек, который фактически совершает этот акт, может оказаться садистом, получающим наслаждение от страданий других людей. Но это, в любом случае, убийство для обоих — для человека, который совершает сам акт убийства и садистски наслаждается этим, и для того, кто платит за него. С точки зрения закона они одинаковы для нас, потому что с позиции морали между *ними* нет никакой разницы.

Похожим образом, человек, который получает удовольствие от убийства животных или от наблюдения того, как они убивают друг друга, может быть в личном плане более жестоким человеком чем тот, кто просто платит за организацию убийства. Может существовать психологическая разница между человеком, который платит другому за убийство, и тем кто непосредственно убивает, но с позиции моральной вины между ними нет никакой разницы.

Изменилось бы ваше мнение о Вике, если бы он просто финансировал организацию собачьих боев, но не присутствовал бы на них лично? То, что ему действительно нравились собачьи бои и он, видимо, принимал непосредственное участие в убийстве собак, делает Вика более жестоким человеком, но это вопрос психологии и никак не влияет на его моральную вину. Нет никакой разницы между человеком X, убивающем собаку, и человеком Y, которое говорит X — «Убей собаку, но дожисься, пока я уйду, потому что я брезглив».

Тот факт, что мы платим другим, чтобы они причиняли страдания и смерть животным, не снимает с нас моральной ответственности.

Есть люди, которые говорят, что разница между Виком и теми, кто просто употребляет продукты животного происхождения, заключается в том, что последние действительно не знают о страданиях, с которыми связано производство продуктов животного происхождения.

Нам трудно согласиться с этой позицией. Ведь никто в возрасте старше четырех лет не думает, что мясо растет на деревьях. Даже если вы не знаете точного процесса и всех тех ужасных вещей, которые делают с животными, вы знаете, что животных сначала должны убить, чтобы получить мясо, и никто не считает, что мясобойня может быть чем-то иным, кроме как местом ужаса.

Многие из нас видели видеоролики, фотографии или даже письменные описания, касающиеся ужасов, связанных с производством мяса, молочных продуктов и яиц. И ответной реакцией на это часто становится отвернуться со словами — «Нет, не показывайте мне это; вы испортите мне ужин».

Суть понятна: мы все осознаем, что наше мясо подразумевает страдания и убийство. Никто не сомневается в этом. Так что это нереально даже, чтобы те, кто ест животных, не знают о страда-

ниях. Конечно, они знают. Да, есть психологическая разница между Майклом Виком и тем, кто просто ест продукты животного происхождения и никогда бы не убил животное сам, но это психологическая разница, а не моральная.

Со всех точек зрения, Вик обращался со своими собаками ужасно. Нет никакого сомнения в том, что они очень сильно страдали. Но, честно говоря, животные, тела которых многие из нас будут есть сегодня за ужином, пострадали ничуть не меньше, если не гораздо больше.

Подобным образом, многие люди, употребляющие мясо, выступают против охоты. Когда мы спрашиваем их, почему они против, учитывая, что они едят мясо, молочные продукты, яйца, и так далее, они часто отвечают, — «потому что есть что-то более ужасное в том, чтобы убить животное самому. Я никогда не смогу посмотреть на животное и просто застрелить его пулей или стрелой».

Опять же, этот ответ обозначает психологический факт; а ничто иное, что имело бы значение с моральной точки зрения. На самом деле, животное, которое было выращено и убито, чтобы сделать гамбургер, имело вероятно, в конечном счете, гораздо худшую жизнь, чем животное, убитое охотником. Таким образом, хотя убийство животного в обоих случаях не является необходимым, то если и есть хоть какая-то разница между этими двумя ситуациями, то она состоит в том, что первая в действительности хуже, поскольку связана с большими страданиями.

Нет никакого различия между мясом и другими продуктами животного происхождения

Некоторые из вас наверняка подумали, что согласны с нами в вопросе о мясе. Вы вегетарианец, или склоняетесь к этому. Но, спросите вы, «что плохого в молочных продуктах (молоко, сыр, мороженое, йогурт, и так далее) или яйцах? Они не убивают животных, чтобы получить эти продукты».

Короткий ответ: это распространенное заблуждение. Но это заблуждение. Животные, используемые для получения молочных продуктов и яиц, страдают, и их всех убивают так же, как и тех, которые используются только для получения мяса. Большинство животных, используемых для получения молочных продуктов и яиц, также, как и животных, используемых только для получения мяса, содержится в условиях интенсивного стойлового содержания и других ужасающих реалиях промышленных животноводческих хозяйств.

Современная национальная молочная индустрия использует преимущественно «способ круглогодичного стойлового содержания» животных. Эти сооружения похожи на откормочные площадки для скота, в которых коровы, используемые для получения мяса, откармливаются на убой, а молочные коровы содержатся стоя или лежа в их собственном навозе в антисанитарных загонах. Вопреки распространенному мнению, коровы не дают молока «автоматически» и не считают большим одолжением, что мы их доим. Сначала, они должны забеременеть. Их искусственно и насильно осеменяют каждый год, чтобы они постоянно давали молоко. Если мы пьем коровье молоко, значит дети, которым оно предназначалось, лишаются его. Новорожденных телят забирают от своих матерей очень скоро — иногда сразу и часто уже не большее, через один или два дня после рождения — и никто всерьез не спорит с тем, что это вызывает стресс у матери и малыша. Многие телята женского пола станут молочными коровами (их кормят специальной формулой таким образом, чтобы они не пили молоко); остальные телята женского пола, и все телята мужского пола, станут «мясными» животными, причем некоторые из них будут взращиваться в условиях интенсивного стойлового содержания и будут забиты по истечении порядка шести месяцев, чтобы быть проданными как телятина. Все коровы, независимо от того, выращены ли они для получения мяса или молочных продуктов, закончат свои дни на бойне. Молочных коров, чей срок жизни составляет 25 лет, обычно убивают через четыре или пять лет, когда их производительность начинает падать.

В результате современных методов сельского хозяйства в молочной индустрии (питание, содержание) молочные коровы страдают от хромоты, воспаления молочных желез (болезненного воспаления вымени), репродуктивных проблем, и тяжелых вирусных и микробных диарей. Им часто дают лекарства, чтобы заставить давать больше молока. Весь молочный скот заканчивает свои дни на тех же самых страдальческих бойнях, на которых погибает скот, используемый для мяса, и многие молочные коровы слишком больны, чтобы дойти до бойни, и поэтому их туда волокут.

Кроме того, молочный скот подвергают увечьям; их рога удаляют, а хвосты купируют или отрезают без обезболивания. Купирование хвостов является обычной практикой.

Что касается яичной индустрии, после вылупления птенцы разделяются на мальчиков и девочек. Поскольку птенцы мужского пола не могут производить яйца и вследствие того, что куры-несушки являются специально выведенной породой, не подходящей для того, чтобы быть «мясными» животными, более 100 миллионов птенцов мужского пола убивают каждый год только в одних США, бросая их заживо в перерабатывающие машины, удушая в мусорных баках или травя газом. Куры-несушки содержатся в крошечных клеточных батареях, где они получают около 67 квадратных дюймов пространства, или примерно размер одного листа писчей бумаги, чтобы прожить всю свою

жизнь. Большинство кур-несушек подвергаются принудительной линьке, когда птиц заставляют некоторое время голодать, вынуждая их терять оперение и заставляя их репродуктивные процессы восстанавливаться, и лишают их клюва, чтобы не допустить того, чтобы птицы ранили друг друга. Те курицы, которые не содержатся в клеточных батареях, выращиваются «без клеток» или «в условиях свободного выгула», что также имеет своим следствием ужасные страдания. Всех кур-несушек убивают на бойнях, как только их способность давать яйца уменьшается, обычно после одного или двух циклов укладки. Так что, если вы едите одни яйца, вы всё равно прямо ответственны за страдания и смерть многих кур.

Суть такова: в стакане молока или яйце столько же страданий, сколько в мясном стейке.

Помните Мэри Бэйл?

Примеров поведения, подобного поведению Майкла Вика, предостаточно.

Давайте на секунду обратим свое внимание на Мэри Бэйл из Ковентри (Mary Bale, Coventry), Великобритания, бросившую кошку в мусорный бак, где несчастное животное оказалось в ловушке приблизительно на 15 часов прежде, чем было освобождено. Ее бессердечный поступок был снят на видео и широко разошелся в сети Интернет.

Как и в случае с Виком, результатом стал не просто гнев; это была ярость.

Под фотографией, подпись к которой гласила, что Мэри Бэйл «столкнулась с поношением, будучи застигнута системой видеонаблюдения, бросающей кошку в мусорную корзину», один новостной репортаж описал общественную реакцию следующим образом:

«Женщина, выкинувшая кошку в мусорный бак» из Ковентри вызвала гневное осуждение по всему миру, получая оскорбительные телефонные звонки и угрозы жизни из таких отдаленных уголков, как Австралия, после того, что она сама описала, как «долю секунды ошибочного выбора» — что и было заснято системой видеонаблюдения и размещено на YouTube.

Тысячи людей подписали страницы в Фэйсбук, заявляя, что Мэри Бэйл «хуже, чем Гитлер» и требуя «смертной казни для Мэри Бэйл», по мере того, как ей посвящались заголовки газет от «Поймана с пушистой уликой!» (в оригинальном английском тексте: “It’s a Fur Cop” здесь игра слов от “It’s a fair cop”) до «МяуКак Она Могла?» (в оригинальном английском тексте: “Miaow Could She?” игра слов “Miaow” и “How”)⁷

Бэйл была привлечена к ответственности со стороны PSPCA (*Royal Society for the Prevention of Cruelty to Animals* / Королевское общество по предотвращению жестокого обращения с животными) за причинение «ненужных страданий» животному и приговорена к штрафу в 250 фунтов, а также была обязана уплатить издержки и расходы жертвы, в общей сумме 1 436,04 фунтов.

Подумайте об этом.

Общество, большинство членов которого потребляет продукты животного происхождения и тем самым напрямую поддерживает и участвует в поведении, которое с моральной точки зрения никак не отличается от того, что сделала Мэри Бэйл, осужденная Мэри Бэйл. И опять же, они не просто расстроились из-за нее. Они, как и в случае с Виком, были возмущены тем, что она сделала.

Почему?

По той же причине, по которой люди были расстроены тем, что сделал Вик. Бэйл причинила страдание кошке и это просто не имело оправданий. Она сделала это без веской причины.

Вопрос не в том, являлось ли то, что сделала Мэри Бэйл, морально приемлемым; конечно, не являлось. Вопрос в том, что это не отличимо от того, что делает большинство из нас. Действительно, если это и отличимо, то тем, что то, что мы поддерживаем и в чем мы участвуем каждый день хуже, чем то, что сделала Бэйл.

Так что вывод здесь напрашивается достаточно ясный: мы осуждаем — в весьма крепких выражениях — людей, подобных Вика и Бэйл, за то, что они делают вещи, которые ничем не отличаются от того, что делаем все мы.

⁷ Патрик Баркхэм “Женщина, бросившая кошку в корзину, приговорена к штрафу в 250 фунтов” / See Patrick Barkham, “Cat bin woman Mary Bale fined £250,” *The Guardian*, Oct. 19, 2010, at www.guardian.co.uk/world/2010/oct/19/cat-bin-woman-mary-bale

Помимо Собак и Кошек

И наше общепринятое суждение распространяется не только на кошек и собак. Оно затрагивает и животных, используемых нами для развлечения, а также для еды.

Задумайтесь о корриде. Хотя и встречаются люди, которым нравится этот «спорт» и которые поддерживают его сохранение, большинство людей считает его отвратительным и подлежащим отмене. Когда, в 2010 году, бык пронзил Испанского тоreadора Хулио Апарисио (Julio Aparicio) так, что рог пройдя через шею, вышел через рот, многие люди, и не только защитники прав животных, выразили мнение, что Апарисио получил по заслугам.⁸

Почему?

Коррида — очень жестокое событие. Бык подвергается пыткам путем вонзания копий в спинные мышцы и его в конце концов убивают, пронзая мечом его сердце. Единственным оправданием для этого страшного события является удовольствие в форме развлечения.

Да, некоторое защитники корриды утверждают, что она является формой искусства наравне с живописью, скульптурой, танцем и музыкой. Но это просто другой способ сказать, что это форма развлечения. Нет никакой необходимости; нет никакой нужды поступать так. Нет никакого конфликта между людьми и животными, который бы обуславливал необходимость причинения страданий быкам.

Мы возражаем против корриды потому, что она входит в противоречие с нашей общепринятой точкой зрения; коррида несет в себе причинение ненужного страдания животному.

Но опять, нет никакой разницы между корридой и использованием быков и других животных для еды. *Никакое использование не является необходимым.* Оба вида использования служат только для удовлетворения наслаждений людей. Действительно, быки и коровы, которые заканчивают свою жизнь на бойнях, имеют жизнь и смерть, которые настолько же жестоки, как жизнь и смерть быка, выведенного для корриды.

На самом деле, в большинстве случаев, быки, убитые на арене, разделяются, и мясо распределяется в пользу бедняков. Разница между этими двумя ситуациями в том, что в одной ситуации, убийство не сопровождается хореографией; в другой — да.

И это *единственная* разница.

Ирония в том, что, когда мы фокусируемся на «пищевых» животных как на индивидуальностях, в частности, в ситуациях, когда они страдают или в опасности, мы обращаемся с ними также, как обращались бы с собакой или кошкой.

Мы все слышали о ситуациях, когда в опасности оказываются животные — не «домашние питомцы», и люди идут на многое, чтобы помочь таким животным. Например, недалеко от того места, где мы живем, корова упала в пруд и застряла в грязи. Полиция и пожарные провели следующий день, который был праздничным, пытаясь спасти корову. Им это удалось, и они приложили экстраординарные усилия не только для того, чтобы спасти корову, но и чтобы помочь ей сохранить спокойствие и обеспечить удобство как во время спасательной операции, так и после.

Если бы эти пожарные и полицейские не были заняты спасением коровы в тот день, они, скорее всего, присутствовали бы на барбекю, на котором жарились бы трупы коров. Но столкнувшись с ситуацией, в которой они увидели беспомощную корову, они среагировали также, как среагировали бы, если бы беспомощным животным была собака. Если бы кто-то увидел корову, и, вместо того,

⁸ Смотрите Николас Грэхем “Хулио Апарисио забодали прямо во время корриды” / See Nicholas Graham, “Julio Aparicio GORED IN THROAT During Bullfight,” in Huffington Post, May 22, 2010, at www.huffingtonpost.com/2010/05/22/julio-aparicio-gored-in-t_n_585941.html

чтобы помочь ей, воспользовался бы ее неспособностью двигаться и мучил бы ее каким-либо жутким образом, нет никакого сомнения, что мы увидели бы похожую на случай с Виком общественную ярость и уголовное преследование за нарушение законов об ответственности за жестокое обращение с животными.

Подумайте о том, как расстроились многие люди в Великобритании, когда они узнали, что в их готовых блюдах из говядины оказалось конское мясо. Они протестовали против того факта, что их мясо содержало внутри себя мясо.

Это по-настоящему сбивает с толку, когда вы начинаете думать об этом.

* * *

Так какой же выводы мы можем извлечь из всего, что мы рассмотрели?

Большинство из нас согласно с тем, что, хотя животные и не обладают такой же моральной ценностью, как и люди, они все-таки обладают моральной ценностью, и на нас лежит моральная обязанность не причинять им ненужные страдания. Большинство из нас согласно с тем, что причинение страданий животным по причине удовольствия, развлечения, или удобства не является необходимостью. Мы смотрим на таких людей, как Майкл Вик и Мэри Бэйл, или на такие обычаи, как коррида, и осуждаем их, потому что животных заставили страдать без веской причины.

Проблема состоит в том, что каждый раз, когда мы употребляем продукты животного происхождения, мы участвуем в причинении страданий животным, не имея веской причины для этого. Когда дело касается животных, мы все — Майкл Вик. Мы все — Мэри Бэйл. Мы все обнаруживаем поведение, неотличимое от корриды.

Когда дело касается животных, мы все страдаем от *моральной шизофрении*.

Клиническая шизофрения характеризуется бредом. Наше моральное разумение относительно животных буквально является бредовым. Мы считаем, что животные обладают моральной ценностью; мы считаем, что у нас есть моральное обязательство не причинять животным ненужные страдания. Мы выступаем против причинения страданий животным в случае, когда для этого отсутствует веская причина. И мы все равно продолжаем причинять ужасные страдания миллиардам животных без какой-либо более весомой причины, чем удовольствие, развлечение, или удобство.

На данный момент, у нас есть только три варианта.

Первый вариант: решить, что, хотя мы и *говорим*, что аморально причинять страдания животным без достаточных на то оснований, на самом деле, мы так не считаем. Прекрасно причинять страдания животным по любому поводу, включая удовольствие, развлечение, или удобство. Наше расстройство Виком, Бэйл и корридой в действительности не более чем лицемерие, что мы теперь признаем и принимаем.

Второй вариант состоит в том, что мы убедили вас прекратить употреблять продукты животного происхождения или, по крайней мере, решить сделать это. Если это так, то вы можете прекратить чтение прямо сейчас и просто начать поиск быстрых, легких, недорогих, и целебных веганских рецептов, многие тысячи из которых легко доступны в Интернет.

Третий вариант предполагает, что вы озадачены и считаете, что есть о чем поговорить, но вы говорите «Но» и затем думаете о *других* причинах, которые позволили бы вам сохранить вашу веру в то, что можно считать животных действительно имеющими значение, и вместе с тем продолжать употреблять их в пищу.

Мы разбираем эти «Но» в следующем разделе.

II. «Но...» Наши Оправдания и Почему Они Не Работают

Да, вы считаете, что причинение страданий животным требует веской причины — своего рода необходимости. Нет, удовольствие не может служить веской причиной. Да, вы полагаете, что сделанное Майклом Виком ужасно. Без сомнения.

Но вы говорите, «Но...»

Поэтому в этом разделе мы будем исследовать те «Но...», которые мы используем, чтобы попытаться отделить потребление нами продуктов животного происхождения от собачьих боев и других форм «жестокости» с животными. Эти «Но...» — это те отговорки, которые мы используем, чтобы представить ситуацию таким образом, что то, что большинство из нас делает каждый день — даже не задумываясь об этом — отличается от того, что сделал Майкл Вик.

Предварительный ответ: ни одно из них не работает.

Но... Откуда вы берете белок?

Это и похожие «Но», такие как «Чувствуете ли вы себя здоровым, не употребляя мясо и молочные продукты?» являются частью нашей отчаянной, но бесполезной попытки держаться за мнение, что мы должны продолжать употреблять мясо и другие продукты животного происхождения или рискуем умереть от недоедания. То есть, эти «Но» утверждают, что на самом деле существует некая *необходимость* в поедании животных.

Как отмечалось ранее, ведущие медицинские учреждения сейчас подтверждают, что веганская диета полезная для здоровья. В то время как адекватное потребление белка является одним из самых широко используемых аргументов для неприятия веганской диеты, многочисленные исследования и отчеты в течение многих лет в США, Великобритании, Канаде, Новой Зеландии и Австралии подтвердили, что веганская диета обеспечивает достаточное количество белка. Кроме того, Департамент сельского хозяйства США (USDA) прямо утверждает, что веганская диета способна обеспечивать адекватное количество белка.

Давайте будем ясными и краткими: *нет никаких достоверных доказательств — ни одного — того, что веганская диета не может обеспечить белок такого же качества, как из животных источников.* Суть понятна: «Растительная пища богата белком».⁹

⁹ Джоель Фёрман «Есть, чтобы жить» Joel Fuhrman, M.D., Eat to Live (Lettle Brown and Company 2011), p. 184.

Но... Буду ли я получать достаточно железа, если я не ем мясо?

Да.

Железо необходимо нам для формирования крови. Женщинам нужно больше железа, чем мужчинам, а женщинам в пременопаузе, особенно беременным женщинам, железа нужно больше, чем женщинам после менопаузы. Железо — это основная часть гемоглобина, который транспортирует кислород от легких к нашим тканям. Оно также является составной частью некоторых ферментов. Железо встречается в двух формах: гем-железо (heme iron), которое составляет около 40% железа, содержащегося в мясе, птице и рыбе, и не-гем железо (non-heme iron), на долю которого приходится оставшиеся 60% железа в тканях животных и все железо в растительных продуктах. Гем-железо более легко усваивается, чем не-гем железо, и это заставляет некоторых людей опасаться, что веганская диета не будет обеспечивать достаточное количество железа.

Не бойтесь.

Исследования показали, что железодефицитная анемия не более распространена среди веганов, чем среди населения в целом. Многие растительные продукты на самом деле более богаты железом, чем продукты животного происхождения. В шпинате содержится 15,5 миллиграмм железа на 100 калорий; стейк содержит 0,9 миллиграмм на 100 калорий. Чечевица содержит 2,9 миллиграмм на 100 калорий; свиная отбивная содержит 0,4 миллиграмма железа на 100 калорий. Цельные злаки, сухофрукты, орехи, зеленые листовые овощи, семена и фасоль также являются хорошими растительными источниками железа. Кроме того, веганская диета как правило более богата витамином С, который повышает усвоение не-гем железа.

Вы легко будете получать все необходимое вам железо, придерживаясь веганской диеты, независимо от того, являетесь ли вы мужчиной, женщиной (в пременопаузе или после менопаузы или беременной) или ребенком. Действительно, легче получать все необходимое вам железо из растительных продуктов, чем из продуктов животного происхождения, и можно сказать с уверенностью, что вам нужно будет употребить меньше калорий растительной еды, чтобы получить необходимое количество железа.

Но... Буду ли я получать достаточно кальция, если я не употребляю молоко и другие молочные продукты?

Да. На самом деле, если вы не употребляете молочные продукты и осведомлены о возможности получать кальций из растительных продуктов, вы можете в значительной мере снизить риск заболевания остеопорозом.

«Что?» спросите вы. «Но нам говорят, что мы нуждаемся в молоке и других молочных продуктах, чтобы иметь сильные кости». Да, нам так говорят — представители молочной индустрии. Но это не значит, что это правда. Нам не нужно пить молоко, произведенное живым существом другого биологического вида; действительно, мы являемся единственным биологическим видом, который так поступает. Для того, что увековечить это прибыльное убеждение, что нам нужно коровье молоко, мы подвергаемся пищевой дезинформации.

Кальций нужен нам для крепких костей. Молочная индустрия говорит нам, что коровье молоко является единственным или основным источником кальция. Но коровье молоко не является единственным или лучшим источником кальция. Многие растительные продукты являются превосходным источником кальция: меласса, миндаль, инжир, пророщенные семена подсолнечника, семена кунжута, тофу, приготовленный с сульфатом кальция, тофу с добавлением кальция, пак чой, брокколи, китайская капуста, белокочанная капуста, листья горчицы, окра, фасоль и обогащенная соя, миндаль, кокос, конопля и рисовое молоко.

Более того, коровье молоко не только ни в коем случае не является единственным источником кальция, но также и не является самым лучшим. Организму необходим магний для усвоения кальция, а коровье молоко не содержит достаточно магния для поддержания уровня кальция. Это приводит к аккумуляции избыточного кальция в организме, что может привести к развитию отложения кальция в наших суставах и почках.

Потребление животного белка, включая белок, содержащийся в молочных продуктах, заставляет нашу кровь окисляться, что приводит к вымыванию кальция из наших костей и фактическому выделению из наших организмов. Поэтому потребление молочных продуктов не только не препятствует развитию остеопороза, но может фактически быть его причиной! В своей работе «*Китайское исследование*» (*The China Study*) доктор Колин Кэмпбэл (Dr. T. Colin Campbell) обнаружил, что белок, содержащийся в коровьем молоке — казеин — способствует развитию рака. Доктор Джоэл Фёрман (Dr. Joel Fuhrman) также отмечает в своей книге «Есть, чтобы жить» (*Eat to Live*), что существует тесная связь между молочной лактозой и болезнями сердца.

Могут ли веганы быть уверены в том, что, употребляя в пищу достаточное количество богатой кальцием растительной еды, они получают достаточно кальция? Да. Но учитывая, что больше 60% процентов американцев, употребляющих коровье молоко, имеют недостаток кальция, внимательное отношение к этой проблеме является вопросом не только для веганов.

Действительно, с учетом других вопросов, связанных с коровьим молоком и содержащимися в нем белками, веган, повторим еще раз, имеет преимущество в питании.

Но... Будут ли мои дети получать достаточно йода?

Би Би Си сообщило об исследовании, ясно показывающем, что женщины, имевшие слишком низкий уровень йода во время беременности, рожали детей с низким уровнем IQ и навыками чтения. В чем решение? «Ученые рекомендуют женщинам детородного возраста для поддержания уровня йода в своем рационе есть молочные продукты и рыбу. Женщины получили предупреждение не употреблять в пищу таблетки из морских водорослей, так как они содержат слишком много йода».¹⁰

Прежде всего, таблетки с морскими водорослями *могут* содержать слишком много йода. Многие нет. Во-вторых, употребление в пищу небольшого количества морских водорослей может обеспечить нас необходимым количеством йода. К другим растительным источникам йода относится печеная картошка и маленькая белая фасоль. Обогащенная (или йодированная) соль также является источником йода.

Кормящие женщины нуждаются в 250 микрограммах йода в день; другим взрослым необходимо 150 микрограмм. Растительная еда может обеспечить это количество йода.

¹⁰ Джеймс Гэлахер “Недостаток йода может понизить уровень IQ британских детей” James Gallagher, “Iodine deficiency ‘may lower UK children’s IQ,’” BBC News, May 22, 2013, at www.bbc.co.uk/news/health22607161

Но... Я слышал о человеке, который заболел, перестав употреблять продукты животного происхождения.

А как насчет всех тех знакомых вам людей, которые ели продукты животного происхождения и заболели раком, болезнью сердца и так далее?

Это «Но» — еще одна попытка описать потребление продуктов животного происхождения не как вопрос удовольствия, а как вопрос физической необходимости.

Как мы упоминали ранее, даже традиционно консервативные организации, включая профессиональные и правительственные, а также управляемые медицинские организации, соглашались с тем, что «соответствующим образом спланированная» веганская диета может быть совершенно здоровой. И доказательств обратного не существует.

Конечно, можно заболеть, употребляя в пищу только растения, также как можно заболеть (и более вероятно, на самом деле), употребляя продукты животного происхождения. Хотя некоторая часть витамина B12 производится бактериями в организме человека, его недостаточно для наших потребностей, а вредные человеческие привычки препятствуют максимальному производству и усвоению эндогенного витамина B12. Следовательно, необходимо получать B12 из внешних источников независимо от того, придерживаетесь ли вы веганской диеты или диеты, основанной на продуктах животного происхождения. Поэтому, все люди должны получать их B12 из источников вне своего тела. Мы получаем свой витамин B12 из дрожжей; всеядные животные получают его из мяса. Но весь B12 происходит из бактерий — обнаруживается ли он в кишках жвачных животных, которые получают его от брожения растительного сырья в их задней кишке, или в определенных штаммах пищевых дрожжей. Таким образом, если вы придерживаетесь веганской диеты и не употребляете в пищу альтернативный источник B12, такой как дрожжи, да, вы можете заболеть. Но есть много людей, у которых наблюдается недостаток B12 несмотря на то, что они употребляют продукты животного происхождения.

А как насчет ДГК (докозагексаеновая кислота) и ЭПК (эйкозапентаеновая кислота), длинноцепочечных жирных кислот, которые не обнаружены в растительной пище и ради получения которых люди едят рыбу? Большинство людей может преобразовывать короткоцепочечные жирные кислоты, обнаруженные в семенах чиа, фундуке, зелени с темными листьями и масле канولا, в длинноцепочечные жирные кислоты. Или вы можете получить длинноцепочечные жирные кислоты ДГК и ЭПК непосредственно из того же источника, из которого его получает рыба — водоросли. В настоящее время существует много добавок, содержащих ДГК и ЭПК, произведенных из водорослей.

Время от времени мы слышим о родителе, обвиненном в непредумышленном убийстве, потому что их ребенок умер на «веганской» диете. Но когда открываются факты, мы узнаем, что родители кормили ребенка только салатом айсберг (или чем-то схожим) и ничем более в течение длительного периода времени.

Если бы родители не кормили ребенка ничем, кроме стейка, три раза в день в течение длительного периода времени, ребенок также бы заболел. Но никто не скажет, что ребенок умер или заболел от того, что ел мясо. Сказали бы, что родители издевались над ребенком, кормя его неадекватной диетой. То же самое верно и для диеты, состоящей только из листьев салата. Это не веганская диета; это до нелепости неадекватная диета.

За 30 лет, что мы были веганами, мы слышали о целом ряде людей, которые якобы заболели, находясь на веганской диете. Неадекватная веганская диета приведет вас к заболеванию из-за своей неадекватности, а не потому, что она на растительной основе. Ничего не ешьте, кроме сельдерея и соевого йогурта и вы не будете чувствовать себя очень энергично. Сюрприз, сюрприз.

Мы также сталкивались с людьми, которые говорят, что их организмы «подсказывают им», что они должны есть мясо или рыбу, или курицу или молочные продукты, или что-либо еще. Но подобные утверждения действительно ничем не отличаются от того, чтобы просто сказать: «Мне нравится вкус мяса (или любой другой)». Другими словами, это утверждения об удовольствии вкуса и ничего больше.

Подобной же историей является «нужда» есть мясо или другие продукты животного происхождения на основании группы крови. Так называемая «диета по группе крови» была развенчана как лженаука.

Но... Разве Бог не хочет, чтобы мы ели животных?

Часто возникающее «Но», особенно в Соединенных Штатах, — что Бог хочет, чтобы мы ели животных, или что Бог населил землю животными для того, чтобы мы их ели.

Наиболее распространенная форма этого «Но» заключается в том, что *Бытие*, первая книга Ветхого Завета, которую признают и Иудейская и Христианская традиции, говорит, что Бог создал мир и дал власть и контроль над всеми животными человеку.

Разве это не говорит нам, что Бог хочет, чтобы мы ели продукты животного происхождения?

Подождите минутку; дело обстоит немного сложнее.

Первым делом нужно открыть и почитать *Бытие*. В этой книге ничего не говорится о том, о чем каждый, кто ссылается на это «Но», предположительно думает.

В *Бытии* нам сказано, что Бог сотворил мир и дал «господство» над ними людям, но — и сейчас будет сюрприз — *никто никого не ел в начале*. Бог сказал людям «я дал вам всякое растение с семенами, которое покрывает лицо земли, и всякое дерево, на котором плод дерева приносит семена; для вас это будет пищей».¹¹ А после Бог сказал всем животным и птицам: «Я дал каждое зеленое растение в пищу: и стало так».¹²

Поэтому вначале, прежде чем Адам и Ева ослушались Бога, съев плод с запретного дерева, и были изгнаны из Эдемского сада, все — и люди, и животные — ели только растительную пищу. Только после того, как Бог разрушил мир потопом, он сказал Ною, что людям позволено есть «все движущееся, что живет».¹³

Мы начали в гармонии с Богом как существа, которые питаются растениями. Когда мы расстались с Богом и были изгнаны из Эдема, Бог разрешил нам убивать животных в качестве компромисса с нашим неидеальным состоянием. Ветхий завет, по крайней мере, предлагает нам двигаться в обратном направлении к идеальному состоянию.

Когда пророк Исайя говорит о пришествии Мессии и восстановлении Царства Божьего на земле, как он описывает это? Прежде всего, будет мир между людьми, которые «вернут свои мечи в ножны и свои стрелы в колчаны: народ не поднимет меч на народ, и они не будут более учиться воевать».¹⁴ Но мир также будет распространяться и среди животных: «Волк и ягненок будут пастись вместе, и лев будет есть солому, как вол: и земной прах будет пищей змеи. Они не будут причинять вреда и разрушать на всей святой горе моей, сказал Господь».¹⁵

Однако, мы не библеисты и не хотим преувеличивать. Мы полагаем, что использование Ветхого Завета как верного аргумента в пользу неупотребления продуктов животного происхождения было бы ошибочным. Но также было бы ошибочным говорить, что Ветхий Завет полностью поддерживает точку зрения, что Бог дает нам зеленый свет на убийство и поедание всего, что мы захотим, потому что нам нравится вкус или потому что было бы проще остановиться и купить ведерко жаренных цыплят, чем приготовить немного риса и фасоли или один из множества других веганских рецептов, которые можно приготовить очень легко и быстро.

Ветхий Завет, как и почти все религиозные писания, в лучшем случае неоднозначен и содержит противоречия. Действительно, вся проблема с использованием документов, подобных Ветхому Завету, в качестве поддержки *чего бы то ни было* заключается в том, что Ветхий Завет может быть

¹¹ Бытие / Genesis 1:29 (all references are to King James Bible).

¹² Бытие / Genesis 1:30

¹³ Бытие / Genesis 9:3

¹⁴ Исайя / Isaiah 2:4

¹⁵ Исайя / Isaiah 65:25

прочитан в пользу всего, включая все те вещи, которые мы все назвали бы ужасными, такие как человеческое рабство, убийство и изнасилование.

Обратите внимание на историю Лота, которая также содержится в *Бытии*. Два ангела пришли в его дом и Лот принимает их как своих гостей. Мужчины Содома пришли в дом Лота и, думая, что ангелы были мужчинами человеческого вида, попросили Лота представить своих гостей таким образом, чтобы мужчины Содома могли вступить с ними, ну, в гомосексуальный контакт. Лот ответил, что горожане не могут воспользоваться его гостями, но вместо этого они могут воспользоваться двумя его дочерьми-девственницами и делать с ними все, что мужчины пожелают.¹⁶ И Лот является одним из хороших парней в Ветхом Завете!

Библия запрещает всевозможные вещи, такие как отращивание боковой растительности на голове (бакенбарды) или подрезание бороды,¹⁷ татуировки,¹⁸ ношение смешанных тканей из льна и шерсти,¹⁹ контакт с женщиной в период менструации,²⁰ женщин, говорящих в церкви,²¹ и мужчин, чьи яички или пенис не сохранены в целостности для посещения церкви.²² Если двое мужчин дерутся, и жена одного из них попытается помочь своему мужу, схватив мужчину, который бьет ее мужа, за яички или пенис, ей должны отрубить руку.²³ И смертная казнь предусматривается не только за убийство другого, но и за другие нарушения, такие как злословие своих родителей.²⁴

Суть в том, что даже самый ортодоксальный человек не следует буквально текстам своих религий. Итак, ясно, что невозможно полагаться только на эти тексты с целью разрешить каждую частную моральную проблему.

Казалось бы, что максимум, что можно возразить, это что люди значат больше, потому что они созданы по образу и подобию Бога и имеют души, или «особенные» души. Такая точка зрения, конечно, просто разновидность общепринятой позиции. То есть, большинство людей считает, что животные имеют моральное значение, но люди значат больше, чем животные. Религиозные люди могут верить, что люди значат больше, потому что Бог создал животных в качестве духовных братьев наших меньших. Но многие люди, которые не религиозны, и которые могут даже быть атеистами, считают, что люди значат больше, чем животные, потому что они более развиты с точки зрения способностей познания.

Даже если вы верите в то, что у вас есть душа, а у животных ее нет, и что мы должны предпочесть интересы человека в любой ситуации, в которой нам надо будет выбирать — то есть, в любой ситуации подлинного конфликта — это возвращает нас обратно к тому, что, когда вы решаете, что поесть сегодня, никакого конфликта нет. Есть только выбор. Если вы выбираете продукт животного происхождения, вы участвуете в причинении страданий и смерти в отсутствие какого-либо конфликта или принуждения. Вашим единственным оправданием является то, что вам нравится потреблять продукты животного происхождения или то, что вам это более удобно.

Подумайте об этом так: представьте, что Майкл Вик сказал бы, что в собачьих боях ничего плохого нет, потому что у собак нет души. Вы бы купились на это? Представьте, что Вик говорит, что Бог хочет, чтобы мы устраивали собачьи бои, потому что у них нет души. Вы бы купились на это?

¹⁶ Смотри Бытие / Genesis 19:1-8

¹⁷ Смотри Левит / Leviticus 19:27

¹⁸ Смотри Левит / Leviticus 19:28

¹⁹ Смотри Левит / Leviticus 19:19

²⁰ Смотри Левит / Иезекииль / Leviticus 15:19-30; 20:18; Ezekiel 18:5-6

²¹ Смотри 1-ое Послание к Коринфянам / See I Corinthians 14:34-35

²² Смотри Второзаконие / Deuteronomy 23:1

²³ Смотри Второзаконие / Deuteronomy 25:11-12

²⁴ Смотри Исход / Exodus 21:17

Вы бы ответили Вику, что создание Богом нас по своему образу и подобию означает, что в ситуациях конфликта между человеком и животными мы должны прежде всего защищать интересы человека, нежели интересы животного. Поэтому в ситуации, когда человек находится в *действительно* опасном положении, при котором, он, например, умирает от голода в отсутствие всякой растительной еды, имело бы смысл для религиозного человека сказать, что Бог хочет, чтобы он убил и съел животное и что он должен так поступить.

Но говорить, что Бог хочет, чтобы мы ели продукты животного происхождения, когда мы *не* находимся в подобной опасной ситуации, ничем не отличается от того, чтобы сказать, что Бог хочет, чтобы мы устраивали собачьи бои. Если вы находите последнее неприемлемым — возможно, возмутительным — вы также будете относиться и к первому.

Но... Разве употребление продуктов животного происхождения не «естественно»?

Это «Но» походит на высказывание, что Бог хочет, чтобы мы ели животных, но нам не придется беспокоиться о Боге. Что-то еще, большое и значительное — природа — хочет, чтобы мы ели животных. Если мы не едим животных, мы идем против природы. Мы поступаем неестественно. Это мощная штука — даже если вы атеист. На самом деле, «Но Естественно» — это как «Но Бог» без Бога. Оно направлено на установление необходимости, но без Бога.

Но почему мы думаем, что природа хочет, что бы это ни значило, чтобы мы ели животных? Обычный ответ — это сказать, что мы физически приспособлены к употреблению мяса и других продуктов животного происхождения.

Оставляя в стороне тот факт, что многие люди страдают непереносимостью лактозы, и, что многие медики указывают на то, что продукты животного происхождения пагубны для здоровья человека, *самое большее*, что можно сказать, это что мы *способны* есть продукты животного происхождения. Нет ничего в наших телах, что предполагало бы, что они созданы для этого.

Люди физически более похожи на травоядных, чем на плотоядных. Плотоядные имеют хорошо развитые когти. У нас нет когтей. У нас также отсутствуют острые передние зубы, необходимые плотоядным животным. Хотя у нас еще есть зубные клыки, они не острые и не могут использоваться с целью, с которой они используются плотоядными животными. У нас есть плоские коренные зубы, такие же, как у травоядных животных, например, овец, которые мы используем их для пережевывания.

У плотоядных животных короткий кишечный тракт, чтобы быстро избавляться от разлагающегося мяса. У травоядных животных и людей кишечный тракт более длинный. Травоядные животные и люди имеют низкий уровень кислотности желудочного сока по сравнению с плотоядными животными, у которых в желудках содержится высокий уровень соляной кислоты для переваривания мяса.

Травоядные животные, как и люди, обладают хорошо развитыми слюнными железами для предварительного переваривания фруктов и злаков, и щелочной слюной, необходимой для предварительного расщепления зерен. Плотоядные животные не имеют похожих слюнных желез и обладают кислотной слюной.

Странники диеты времен палеолита говорят нам, что нам следует питаться также, как это делали наши «предки». Но как они питались? Как написал биолог Роб Данн (Rob Dunn) в журнал «Научный Американец» (*Scientific American*): «Большую часть последних двадцати миллионов лет эволюции наших тел, пройдя через серьезные изменения, мы питались фруктами, орехами, листьями и иногда случайными кусочками насекомого, лягушки, птицы или мыши. В то время, как некоторые из нас могут хорошо переносить молоко, другие могут лучше остальных переносить крахмал, а третьи могут лучше или хуже переносить алкоголь, у нас у всех есть базовая способность без проблем потребить фруктовое или ореховое».²⁵

И, как мы отмечали ранее, свидетельства с достаточной точностью показывают, что у нас нет необходимости в пище животного происхождения, чтобы быть оптимально здоровыми. Можно подумать, что если бы мы были созданы, чтобы есть продукты животного происхождения, те из нас,

²⁵ Роб Данн «Предки людей практически все были вегетарианцами»

Rob Dunn, "Human Ancestors Were Nearly All Vegetarians," *Scientific American Guest Blog*, July 23, 2012, at blogs.scientificamerican.com/guestblog/2012/07/23/human-ancestors-were-nearly-all-vegetarians/

кто не делают этого (и не делали десятилетиями), страдали бы от разрушительными последствиями для здоровья. Но с нами этого не происходит.

Мы чувствуем себя просто отлично. Мы должны быть уверены, что получаем витамин B12, который люди не производят, или, по крайней мере, производят в недостаточном количестве. Но все люди должны откуда-то получать витамин B12. Плотоядные животные получают его из мяса; веганы получают его из пищевых дрожжей, другого витаминизированного питания или добавок. Но весь витамин B12 производится микроорганизмами.

Как мы также отмечали ранее, людям также нужны жирные кислоты, которые сами они не вырабатывают. Большинство людей получает свои необходимые жирные кислоты, питаясь рыбой. Рыба получает эти кислоты, потребляя водоросли. Мы получаем эти жирные кислоты напрямую через добавку водорослей. Мы также едим семена льна и грецкие орехи, которые обеспечивают эти питательные вещества.

Таким образом, несмотря на то, что существуют заслуживающие внимания свидетельства того, что продукты животного происхождения губительны для здоровья человека, мы не хотим вступать здесь в состязание исследований, чтобы убедить вас, что более полезным для здоровья было бы не есть продукты животного происхождения. Мы, однако, хотим ясно дать понять, что самое лучшее, что может сказать потребитель продуктов животного происхождения, что его диета не лучше, чем диета того, кто придерживается сбалансированного питания, не содержащего животной пищи.

В общем, нет никаких доказательств того, что природа требует от нас поедания продуктов животного происхождения. В действительности, существующие свидетельства говорят об обратном.

Но... Что если бы все ели только растительные продукты? Не хватило бы земли для выращивания еды!

Это «Но» утверждает, что, если бы мы все питались только растительной пищей, не хватило бы места, чтобы выращивать все необходимые культуры. Поэтому, употребление в пищу мяса и других продуктов животного происхождения, вопреки сказанному, необходимо. Оно делает различие между поеданием животных и собачьими боями.

Это «Но» не только неправильно; оно *очень* неправильно.

По данным Американского Агентства по Защите Окружающей Среды (EPA), около 80 процентов всей кукурузы, выращенной в США, потребляется поголовьем скота, птицей и рыбой, и «более 30 миллионов тонн соевого шрота употребляется в качестве корма для скота в год».²⁶ Кроме того, по данным Департамента торговли США (*U.S. Department of Commerce*), «в то время, как 56 миллионов акров американской земли производят сено для поголовья скота, только 4 миллиона акров земли производят овощи для потребления человеком».²⁷

Эти статистические данные ясно показывают, как мы используем ресурсы нашей планеты — включая землю, воду и энергию — неэффективно вследствие потребления мяса и других животных продуктов. Тем не менее, производство мяса и молока продолжает расти по всему миру. Спрос в США и Европе настолько высок, что его невозможно удовлетворить в рамках национальных границ. Эти мясные индустрии потянулись в Латинскую Америку чтобы удовлетворить этот спрос, и по крайней мере 20 процентов лесов Амазонки были превращены в пастбища и угодья для кормовых культур. Подобная деятельность неэффективно и дешево кормит США и Европу, разрушая при этом эффективное и натуральное сельское хозяйство этих развивающихся наций.

Противники растительного сельского хозяйства утверждают, что расширение производства сельскохозяйственных культур приведет к полному уничтожению пахотных земель, поскольку истощение почвы станет настолько серьезным, что земля будет не в состоянии обеспечивать наши нынешние методы монокультуры, или постоянного засева одной и той же культуры. Однако, этот аргумент совершенно игнорирует последствия сегодняшней практики. В Соединенных Штатах на долю животноводства приходится более половины почвенной эрозии.

Исследователи в Соединенном Королевстве отмечают, что пахотные земли в Соединенном Королевстве неспособны обеспечивать достаточное количество некоторых замещающих мясо культур, таких как соя, чечевица и нут. Но они также отметили, что культивация других видов, таких как различные сорта сухой фасоли и гороха, позволит устранить такие проблемы.

Независимо от того, существуют ли реальные альтернативы сельскохозяйственных культур для Соединенного Королевства, это не стало бы новой проблемой для европейских стран. В настоящее время на континенте в целом имеется достаточный потенциал пахотной земли, чтобы накормить все свое население растительным белком, но даже близко нет столько земли, чтобы прокормить всех своих сельскохозяйственных животных. Европейский Союз обнаружил, что только 20 процентов всей пищи, которую поедают сельскохозяйственные животные Европы, происходит с континента, в то время, как оставшаяся часть должна импортироваться. Вследствие того, что большая

²⁶ Смотри Основные Сельскохозяйственные Культуры, выращиваемые в США / See “Major Crops Grown in the United States”, at www.epa.gov/oecaagct/ag101/cropmajor.html

²⁷ Институт Глобального Мониторинга “Есть ли будущее у мяса?”

Worldwatch Institute, “Is Meat Sustainable?,” at www.worldwatch.org/node/549 (quoting U.S. Department of Commerce, Census of Agriculture).

часть этого импорта использует земли развивающихся стран, этот метод питания Европы, основанный на животных, напрямую способствует истощению ресурсов развивающихся стран, тем самым усиливая их дальнейшее обнищание.

В сущности, это сводится к тому, что производство нами еды, неважно какой, имеет огромное воздействие на экологию. Поскольку численность населения продолжает расти, если мы продолжим есть то же количество продуктов животного происхождения как и сейчас, это воздействие продолжит наносить экспоненциально больший вред нашей планете, чем это вызвало бы производство только растительной еды.

А как же насчет полевых мышей, змей, птиц и других созданий, которые гибнут, когда урожай засеивается и убирается? Убьем ли мы *больше* животных, если мы придерживаемся веганской диеты, чем если бы мы ели животных и продукты животного происхождения?

Ответ ясен: нет. Требуется больше земли, чтобы вырастить растения, которыми мы кормим поедаемых нами животных, чем требовалось бы, если бы мы потребляли растения напрямую. И производство мяса оказывает наибольшее влияние на разрушение мирового биологического разнообразия вследствие его роли в загрязнении окружающей среды, уничтожении лесов, эрозии почв, деградации земель, выбросах парниковых газов, и так далее.

Есть люди, которые утверждают, что даже если бы мы имели меньшее количество акров земли для культивации, какие бы культуры мы не ели, это привело бы к большему количеству смертей животных, поскольку больше диких животных гибнет при растениеводстве, чем при выращивании животных на пастбищах. Но эта позиция не учитывает тот факт, что земля, используемая в растениеводстве, может обеспечить до 10 раз большее количество белка, чем может быть произведено из животных, выращенных на пастбищах. Так что даже если больше диких животных гибнет при растениеводстве, чем при выращивании животных на пастбище, количество убитых диких животных *в расчете на потребителя* в растениеводстве будет небольшой частью от общего числа животных, убитых при выращивании животных на пастбище, потому что один акр посевов может производить белок для много большего числа людей, чем один акр пастбища, используемого для выращивания животных.

Но... Что если бы я оказался на необитаемом острове, умирая от голода?

Краткий ответ на вопрос, поднимаемый этим «Но», заключается в том, что вы не на нем. Вы не сели на мель посреди океана, брошенные на произвол судьбы в спасательной шлюпке вместе с другим человеком и коровой, и кто-то должен быть выброшен за борт. Вы не проходите мимо горящего дома с двумя обитателями, человеком и животным, и у вас есть время спасти только одного.

Это и похожие «Но» стремятся определить ситуацию, в которой поедание животных может быть необходимым, но в которых вы не находитесь, и затем применить это к ситуациям, в которых вы оказываетесь, где нет необходимости потреблять продукты животного происхождения. Это не работает.

По какой-то причине многие из нас, кажется, хотят формулировать общие моральные принципы на необитаемых островах, в спасательных шлюпках, и стоя перед горящими домами. Это заведомо плохие места, чтобы пытаться выработать моральные правила, потому что они обычно требуют, чтобы мы выбирали между несколькими морально не удовлетворительными выборами в ситуации чрезвычайной. И затем мы стараемся обобщить этот выбор, чтобы охватить ситуации, в которых опасности, которая ограничила выбор, не существует.

Но давайте отправимся на необитаемый остров. Вот вы здесь, умирая от голода, и нет ни кокоса, ни моркови. Есть, однако, кролики (хотя мы не уверены насчет их питания, если на острове нет растительности). Является ли морально приемлемым убить и съесть кролика в подобных обстоятельствах?

Давайте предположим, что да.

Ну и что? Что это может сказать тем из нас, кто не умирает от голода на необитаемом острове, о том, является ли морально приемлемым съесть вечером стейк?

Это *ничего* нам не говорит. В первой ситуации есть конфликт; во второй — нет. Наша моральная интуиция говорит нам, что в *ситуации реального конфликта* люди преобладают. Поэтому, съесть кролика на необитаемом острове является морально приемлемым согласно этой интуиции. Но эта интуиция не имеет ничего общего с ситуациями, в которых конфликта нет.

Давайте подумаем об этой ситуации в человеческом контексте. Вы оказались на необитаемом острове с Джоном и Мэри. Вы все голодаете, но Джон болен и скоро умрет. Вы и Мэри убиваете и съедаете Джона.

Да, это отвратительная мысль, но подобные вещи случались. Это все равно убийство и преступление, но оно часто карается менее строго, потому что мы понимаем, что с точки зрения морали убийство и поедание Джона в подобных обстоятельствах отличается от рядового убийства. Поедание Джона в подобных обстоятельствах, хотя это и неправильно, по крайней мере, понятно и не заслуживает того же морального осуждения, которое возникает в отношении других актов неспровоцированного убийства. В конце концов, если вы умираете от голода, у вас действительно нет выбора и моральное осуждение требует, чтобы вы сделали другой выбор, но вы его не сделали, и решили сделать неправильную вещь.

Подобным образом, в примере с участием кролика у меня есть выбор умирать от голода или убить кролика. Это действительно не совсем удачный выбор. На самом деле, это и не выбор вообще.

Так почему же мы должны применять анализ, которой имел бы смысл в ситуации, когда *нет* никакого выбора, к ситуации, в которой выбор *есть*?

Мы не можем сказать, что даже если акт каннибализма в экстремальной ситуации изоляции и голода является морально извинительным, поедание другого человека является нормальным всегда, когда вы чувствуете голод и решаете другого человека, потому что вы так предпочитаете. То, что является морально приемлемым в ситуации отсутствия выбора, не всегда обязательно является допустимым в ситуации, когда выбор есть. Похожим образом, тот факт, что мы бы сказали, что съесть кролика в подобной экстремальной ситуации является морально приемлемым, не означает, что это приемлемо в ситуации, когда есть выбор.

Теперь предположите, что вас спасли с необитаемого острова. Сейчас вы идете по улице и проходите мимо горящего дома, в котором находятся человек и собака. Наша моральная интуиция говорит нам, что в ситуациях реального конфликта люди выигрывают, а животные теряют. Мы давали обещание не противоречить нашей моральной интуиции, и мы держим свое обещание. Итак, кого вы спасаете? Вы спасаете человека. После этого восхитительного акта героизма, вы идете домой, чтобы поужинать. Что ваш выбор спасти человека скажет вам о морали поедания на ужин цыплёнка?

Ничего. Абсолютно ничего. Наша моральная интуиция может говорить нам, что в ситуации настоящего конфликта между людьми и животными, люди побеждают. Но наша моральная интуиция также говорит нам, что в ситуациях, когда конфликта нет, мы не можем причинять страдания животным просто потому, что мы получаем от этого наслаждение.

Еще раз, чтобы ясно это понимать, все, что нам нужно сделать, это задуматься, чтобы мы подумали, если бы в горящем доме было два человека. Вы не знаете обоих людей, но один значительно старше другого и ваша моральная интуиция говорит вам, что вы должны спасти более молодого человека просто потому, что она моложе. Могли бы вы сделать из этого вывод, что было бы морально приемлемым мучить пожилых людей, начать использовать их в сельском хозяйстве или в биомедицинских исследованиях?

Конечно, нет. Ваша моральная интуиция может подвигнуть вас спасти более молодого человека именно потому, что вы можете выбрать спасти только одного, и, в такой прискорбной ситуации выбираете спасти более молодого человека. Но подобный выбор оставляет совершенно незатронутую другую вашу интуицию, что причинение вреда кому-либо — любому — требует морального оправдания.

Существует тенденция использовать эти сценарии пустынного острова/спасательной шлюпки/горящего дома, чтобы продемонстрировать, что — поскольку наша моральная интуиция говорит нам, что животные имеют моральную ценность, но меньшую, чем люди, и поскольку мы бы предпочли человека животному в подлинно конфликтной ситуации — животные *не* обладают моральной ценностью и мы можем причинять им страдания даже тогда, когда конфликта нет.

Но из сказанного такой вывод не следует, и это объясняет, почему многие из нас чувствуют себя глубоко обеспокоенными в связи с продолжением употребления продуктов животного происхождения в отсутствие всякой необходимости. Даже если мы считаем, что животные обладают меньшей моральной ценностью, чем люди, цель этой книги показать, что если животные вообще имеют *хоть какую-то* моральную ценность, мы не можем оправдать причинение им *любых* страданий просто потому, что это доставляет нам удовольствие. Похожим образом, то обстоятельство, что мы бы предпочли одного человека другому в опасной ситуации, не означает, что мы бы поддержали точку зрения, что подвергать каких-либо людей страданиям просто потому, что нам это нравится, является приемлемым.

Если животные вообще имеют значение с точки зрения морали, если они не просто вещи, причинения *любых* страданий им потому, что нам это нравится или нам нравятся плоды этого, не может быть морально приемлемым. Поэтому, тот факт, что вы бы съели кролика на необитаемом острове

или выбросили бы корову за борт, находясь в спасательной шлюпке, ни коем образом не затрагивает тот моральный принцип, что причинение ненужных страданий аморально, а страдания ради удовольствия вкуса, по определению, являются ненужными.

Вариант этого «Но» затрагивает людей, которые живут в таких местах, где у них нет выбора в еде. Есть несколько примеров коренных народов в отдаленных уголках Канады или на африканском континенте (Кения), которые придерживаются мясной диеты в ситуации, когда совсем мало или полностью отсутствует не-животная пища. По идее, такие ситуации похожи на сценарий с пустынным островом, где вы можете выбрать либо есть животных, либо умереть.

Нам не нужно погружаться в фактическое исследование насчет людей из Канады или Африки, и действительно ли у них нет выбора и они должны есть животную пищу или погибнуть. Позиция, которую мы здесь отстаиваем, заключается в том, что в любой ситуации, в которой действительно нет выбора, использование животного могло бы считаться морально приемлемым, при условии общепринятого правила, что мы не должны причинять ненужные страдания. В ситуациях, когда действительно нет выбора, существует вид необходимости, который выводит поведение из предписаний общего морального правила.

Но мы предполагаем, что также, как никто из читающих эту книгу не находится на необитаемом острове, или не брошен на волю волн в спасательной шлюпке, никто из читающих эту книгу не живет там, где у них действительно нет возможности достать не-животную пищу.

Суть остается: для каждого, у кого *есть* выбор, — и это касается практически всех, кто читает эту книгу прямо сейчас, — выбор причинять страдания при отсутствии необходимости нарушает то, что мы считаем моральным принципом, который мы все разделяем.

Но... Что случилось бы со всеми этими животными, если бы мы не ели их?

Это легкий вопрос: если мы перестанем потреблять продукты животного происхождения, мы не станем воспроизводить одомашненных животных.

Точка.

Чтобы мы стали делать с теми животными, которые сейчас здесь? Ну, это зависит от того, что вы считаете нашими моральными обязательствами перед этими животными. Совсем не вариант просто выпустить их в дикую природу. Коровы, свиньи, куры, индюшки, и так далее, которых мы наблюдаем сегодня, не дикие животные. Они были одомашнены нами, чтобы быть «пищевыми» животными.

Если вы рассматриваете животных как обладающих более высокой моральной ценностью, чем допускает общепринятое мнение, вы можете считать, что нам следует заботиться о животных, которые здесь с нами, пока они не умрут естественной смертью и просто больше не разводить их. С другой стороны, вы можете считать, что нам следует есть животных и продукты животного происхождения, которых мы имеем сейчас, но прекратить выращивать их.

Окончательный ответ, однако, одинаков при любом (этом или другом) сценарии: если мы полагаем, что мы должны перестать потреблять животных, нам нужно перестать разводить одомашненных животных.

Существует три ответных «Но».

Но... Как насчет природного разнообразия?

Ответное «Но», существующее для того, чтобы показать, что, если бы у нас не было одомашненных животных, мы каким-то образом лишились бы частицы природного разнообразия. Это как если бы жизнь в веганском мире была бы одним большим нарушением Закона об исчезающих видах (*Endangered Species Act*).

Использование слова «природный» в любом контексте, подразумевающим одомашненных животных, за пределами абсурда, по крайней мере, с двух уровней восприятия.

Во-первых, в отношении животных проводилось столько генетических манипуляций, что многие из них даже не напоминают тех животных, которые были 100 лет назад. Коровы имеют ненормально большие вымя; коровы и индюшки развили такой большой вес тела, что не могут ходить. Одомашненные животные являются чем угодно, но не природным явлением.

Во-вторых, одомашненные животные, в далеком ли прошлом или теперь, просто являются существами, которые были одомашнены. Они не являются частью «природного» мира. Они часть мира, созданного *нами*. Они — существа, которых мы вырастили и произвели для наших целей.

«Природный» мир был бы намного более «природным» без одомашненных животных. Нет понятия «исчезновение вида», когда речь идет о одомашненных животных.

Но... Как насчет их права на жизнь?

Другое ответное «Но» говорит о том, что посредством отмены одомашнивания мы фактически делаем животным хуже, чем если бы они жили и умирали при неблагоприятных обстоятельствах.

Этот ответ предполагает, что для животного лучше жить даже неблагоприятной жизнью и умереть тяжелой смертью, чем не жить совсем. То есть, мы причиняем животным вред в общем, придерживаясь веганской диеты, потому что они бы даже не существовали, если бы мы все были веганами. Мы оказываем животным своего рода *услугу*, поедая их. Действительно, мы бы *причиняли* животным вред, если бы не ели их.

Помимо того, что мы полностью спекулятивно и до крайней степени безосновательно можем только предполагать, стали бы животные, если бы могли, выбирать не жить вообще, чем жить ужасной жизнью и умереть ужасной смертью, эта позиция полностью игнорирует нашу интуицию, что животные имеют моральное значение и мы не должны заставлять их страдать, если только это не вызвано необходимостью. Эта позиция, в сущности, говорит о том, что использование животных для еды не является необходимым и приводит к большой боли, страданиям и смерти, но лучше иметь эти ненужные страдания и смерть, чем не иметь их. Поэтому если мы соглашаемся с этой позицией, мы, в сущности, отказываемся от нашей моральной интуиции, что животные имеют значение и причинять им необоснованные страдания является аморальным.

Поставим проблему иначе: если это применимо к животным, которых мы едим, это применимо и к собакам Майкла Вика. Да, они страдали и многие умерли. Да, собачьи бои — это совершенно необоснованное использование животных. Но лучше бы собаки Вика жили и страдали, чем не жили вообще, и значит собачьи бои нормальны. Действительно, такая позиция позволила бы нам заниматься широким спектром мучений животных на том основании, что жизнь с определённой долей мучений — даже со значительной долей мучений — лучше, чем полное отсутствие жизни. Действительно ли нам нужно объяснять, какие ужасные результаты происходят из такого образа мышления?

Поэтому, помимо других проблем, которые возникают в связи с этой позицией, мы не можем поддерживать ее одновременно с тем, что мы утверждаем, что нам нужно серьезное основание для причинения страданий и смерти животным, и что удовольствие, развлечение или удобство не могут служить в качестве веской причины для этого. Если мы принимаем эту позицию, мы, в сущности, укрепляем мнение, что животные просто вещи, которые мы можем использовать, заставлять страдать и убивать просто потому, что нам это нравится.

Но... Как насчет их права на размножение?

Третье ответное «Но» говорит о том, что, если не будет больше одомашненных животных, мы нарушим право животных на размножение.

Это «Но», в сущности, призвано отстаивать мнение, что если мы не будем продолжать есть животных, мы каким-то образом будем нарушать их права, демонстрируя этим поразительный пример того, насколько низко мы падаем, когда пытаемся оправдать поедание животной пищи.

Оставляя в стороне тот факт, что для большинства одомашненных животных секс и деторождение являются неприятными и пугающими переживаниями, это ни что иное как странность для людей, которые не верят в права животных и которые едят мясо и другие продукты животного происхождения, заботясь о праве животных на размножение.

Но... Мы дали жизнь пищевым животным, чтобы есть их; они для этого здесь и находятся.

И?

Во-первых, если это имеет отношение к делу, что тогда плохого в собачьих боях? В конце концов, *всем* одомашненным животным, собакам ли, кошкам, коровам, овцам, свиньям, курам, индюшкам или даже выращенным на фермах рыбам жизнь была дана нами. Поэтому, если это оправдывает поедание нами животных, это оправдывает использование нами животных в собачьих боях, корриде, и во всех других случаях.

То есть, согласиться с этим «Но» означает сказать, в сущности, что животные совсем не имеют морального значения; что они просто вещи и нам не нужно веского основания, чтобы причинять страдания любому одомашненному животному. Согласиться с этим означает сказать, что мы не согласны с общепринятой моралью, о которой мы говорим, что разделяем ее.

Во-вторых, если у нас есть моральные обязательства перед животными, но ответственность за их разведение не вызывает у нас моральных переживаний, как тогда это соотноситься с нашими детьми? Они бы не существовали, если бы не мы. Означает ли это, что мы можем оправдать причинение им вреда ради удовольствия, развлечения или удобства?

Но... Животные, используемые для еды, не страдают также сильно, как собаки, используемые для боев.

Это «Но» пытается провести различие между ситуацией Майкла Вика и поеданием нами животных путем предположения, что животные, используемые для еды, страдают меньше, чем собаки, используемые для боев.

С позиции фактов, с животными, используемыми для еды, при самых «гуманных» условиях, обращаются ужасно; их в буквальном смысле *мучают*. Страдают ли они меньше, чем собаки Майкла Вика? Животные, используемые для еды, для мяса ли, молочных продуктов или яиц, в качестве рутинной отраслевой практики подвергаются боли, страданиям и стрессу в течение всей своей жизни. И их смерти на бойнях всегда страшно пугающие и ужасно жестокие. Поэтому, вполне может быть, что животные, используемые для еды, страдают больше, чем собаки, используемые для боев.

Но это не главное.

Главное в том, что наше общепринятое мнение сказало бы, что *никакое* страдание не может быть оправдано без веских оснований — некоего рода необходимости — и удовольствие не может служить в качестве приемлемого оправдания. Вопрос не в том, что собаки, используемые для боев, страдают больше, чем коровы, куры, индюшки, свиньи, рыба или другие животные, используемые для еды. Они все страдают и страдают серьезно. Мы не говорим о «страданиях». Это ясно. Животноводство, особенно в тех масштабах, которые необходимы, чтобы прокормить миллиарды людей, в любом случае несет в себе ужасные страдания при максимально «гуманных» условиях.

И, как мы уже обсуждали, нет никакого оправдания ни для поедания животных, ни для собачьих боев. Обе модели поведения обслуживают один главный интерес: наше удовольствие. Нет никакой необходимости в обоих случаях использования животных.

Так что даже если животные, используемые для еды, страдали бы меньше, чем собаки, используемые для боев, какое бы это имело значение? *Никакого*.

Наше общепринятое мнение состоит в том, что мы не можем оправдать причинение любых страданий животным без веского основания и удовольствие не может быть таким основанием. Сказать, что животные, используемые для еды, тяжело страдают, но, возможно, меньше, чем собаки, используемые для боев, значит не учитывать тот факт, что животные, используемые для еды, тяжело страдают при самых лучших обстоятельствах и в самых «гуманных» условиях. Если бы мы установили, что собаки Майкла Вика страдали меньше, чем животные, которых мы едим, мог бы кто-нибудь из нас подумать, что собачьи бои являются морально правильным явлением? Нет.

Мы также должны сказать, что мы отвергаем мнение, что мы можем с какой-либо долей уверенности сказать, кто страдает больше в каждой конкретной ситуации. Страдают ли коровы больше, чем рыба? Мы даже не знаем, что означает этот вопрос, когда мы говорим об индивидах *общего* с нами биологического вида. Если два человека поражены болезнью, какой смысл имел бы вопрос, страдает ли один больше, чем другой? Кто-нибудь счел бы такой вопрос имеющим смысл? Мы даже не можем дать вразумительные ответы на тему физической боли или страданий, или эмоционального стресса, когда речь идет о представителях нашего биологического вида.

Попытки поставить этот вопрос в отношении представителей других биологических видов делают невозможную ситуацию еще более невозможной. Мы можем признать, что коровы страдают больше, поскольку они млекопитающие, как и мы. Мы можем более легко понять страдания млекопитающего, чем, скажем, птицы или рыбы. Но это не означает, что птица или рыба страдают *меньше*. Это означает, что птица или рыба страдают *по-другому*. Но, опять же, это не имеет никакого отношения к делу. Идея, которая стоит за понятием, что мы не должны причинять животным

ненужные страдания, не в том, что имеют значение только страдания, похожие на наши. Смысл в том, чтобы признать моральное правило, что животные не являются вещами, что у них есть определенная моральная ценность и у нас должно быть оправдание для причинения им вреда.

И говорить о том, что одному животному причиняется меньший вред, чем другому, не означает, что причинение вреда первому является нормальным. Да, хуже причинять 10 единиц страдания, чем 5. Но нам нужно оправдание для обоих. На самом деле, мы должны оправдать причинение даже *одной* единицы страдания. И мы согласны с тем, что удовольствие не может быть достаточным оправданием для причинения боли и страдания животным. Должно быть принуждение к этому, необходимость.

Но... Чувствуют ли животные боль также, как люди?

Может быть, да; а может быть, и нет. Но это не имеет значения, чувствуют ли они также или нет.

Единственное, что имеет значение, могут ли они чувствовать боль; любое живое существо, которое способно чувствовать боль, заинтересовано в том — предпочитает или желает — чтобы не испытывать боль. Не имеет значения, чувствует ли животное боль также, как человек, или даже также, как другие представители того же биологического вида.

Частью нашего общепринятого мнения является то, что животные, как и мы, чувствуют боль и мы все заинтересованы в том, чтобы ее не испытывать. Хотя есть люди, которые скажут что-то наподобие: «животные не чувствуют боли», или «у животных нет чувств», никто действительно так не думает. В конце концов, у нас уже сотни лет существуют законы, требующие «гуманного» обращения с животными. Эти законы могут быть очень неэффективными, но они написаны, потому что мы все признаем, что животные чувствуют боль, что они могут страдать и у них есть чувства. Ведь у нас нет законов, требующих «гуманного» обращения с деревьями и камнями.

Однако, есть люди, которые скажут, что, хотя животные чувствуют боль, они не чувствуют ее так, как люди. И что? Мы не знаем, все ли люди одинаково чувствуют боль. Вы можете не чувствовать боль также, как чувствует ее ваш друг, но вы оба заинтересованы не испытывать боль независимо от того, как каждый из вас ее переносит. Вот то, что важно: то, что вы можете испытать опыт, который вы получать не хотите. Не имеет значения, что другой человек испытывает боль иначе, чем вы. Важно то, что она также способна испытать опыт, который не хочет иметь. Вы и она похожи — как бы по-разному вы ни чувствовали боль — в том, что вы оба можете получить опыт, который никто из вас получать не хочет. У вас одинаковый интерес, даже если сам опыт различен.

Тоже самое является правдой и применительно к животным.

На самом деле, люди и все животные, которых мы обычно используем для еды, исключая, *возможно*, моллюсков, таких как клемы и устрицы, все наделены способностью к *ощущениям*. Это означает, что они обладают субъективным чувственным осознанием; у них есть способность к чувствованию или восприятию через ощущения. Люди и животные все похожи в этом отношении: все они способны испытывать боль; они все являются существами, заинтересованными в том, чтобы не испытывать боль. Этот интерес всегда один и тот же, даже если опыты этой боли сами по себе различны.

Нам следует добавить, что есть тенденция думать, что люди страдают больше, поскольку они более сложны в интеллектуальном плане. Может быть, да; может быть, нет. Вполне может быть так, что животные страдают больше из-за умственных различий с людьми. Визит к стоматологу, хотя и болезненный, может представлять из себя значительно меньшее страдание и стресс, чем визит собаки к ветеринару. Человек знает, что боль скоро закончится, и понимает причину, по которой ее причиняют; собака не понимает, и это может сделать страдания собаки более тяжелыми.

Наконец, имейте в виду, что, когда мы протестуем против того, что сделал Майкл Вик, мы делаем это не потому, что считаем, что собаки чувствовали боль точно также, как люди. Мы знаем, что собаки чувствуют боль, и наше моральное негодование по поводу того, что сделал Майкл Вик, не зависит от нашего мнения, что собаки и люди чувствуют боль одинаково. Главное, *что* собаки могут чувствовать боль, а не то, *как* они чувствуют боль. Наши общепринятые взгляды говорят нам, что эту боль невозможно оправдать морально, если у нас нет веского основания ее причинить. Наше моральное обязательство не связано с похожестью опыта; оно связана только с похожестью интереса. И все чувствующие существа одинаково заинтересованы в нежелании испытывать боль и страдания, насколько бы разным не был этот опыт. Обязательство не причинять боль и страдание без веского основания ни в коем случае не связано с фактическим опытом конкретного существа; это моральное обязательство уважать интерес, который есть у всех чувствующих существ.

Но... Действительно ли рыба чувствует боль?

Да.

Многие люди, которые занимаются рыбалкой, думают, что рыба не чувствует боль. Но ученые опровергли этот взгляд.²⁸ В голове рыб находятся рецепторы, которые реагируют на повреждающие раздражители и рыбы обнаруживают реакцию на вредоносные субстанции.

А как насчет клемов, устриц, мидий и гребешков? Могут ли эти моллюски чувствовать боль? Точно не ясно, могут или нет. Мы склоняемся в пользу того, чтобы не есть их, потому что, так или иначе, доказательства не убедительны. Но другие моллюски, такие как осьминог или кальмар, являются одними из самых нейрологически развитых среди всех беспозвоночных, и они явно наделены способностью к ощущениям. Лобстеры и улитки также чувствующие существа.

Запомните, вопрос не в том, что рыба или моллюски чувствуют боль так же, как человек. Единственный вопрос, чувствуют ли они боль в принципе; любое существо, которое способно чувствовать боль, заинтересовано в том — предпочитает или желает — чтобы не испытывать ее. Это именно тот интерес, который мы считаем морально значимым, когда мы говорим, что нам нужна веская причина, чтобы игнорировать этот интерес и причинять эту боль.

²⁸ Смотри Алекс Кирби “Рыба чувствует боль, считают учёные”

Alex Kirby, “Fish do feel pain, scientists say,” BBC News, April 30, 2003, at news.bbc.co.uk/1/hi/sci/tech/2983045.stm

Но... Разве не существует законов, требующих «гуманного» обращения с животными?

Да, существуют законы, которые якобы требуют «гуманного» обращения с животными и не причинения им «ненужных» страданий. Они есть в каждом штате в США; они приняты и на федеральном уровне; и почти в каждой стране в мире приняты свои законы, требующие «гуманного» обращения.

Несмотря на все различия, все эти законы имеют одну общую черту: они *бесполезны*.

Во-первых, эти законы не запрещают самого использования, в котором нет нужды; они якобы запрещают только *обращение*, которое не является необходимым для заданного использования. Мы видели, что поедание животных и продуктов животного происхождения не является необходимым для здоровья человека. Поэтому, все страдания, связанные с использованием животных в качестве еды, являются ненужными! Все это идет вразрез с нашим утверждением о принятии в качестве бесспорного морального принципа: что животные имеют моральную ценность и что нам нужно какое-то оправдание для причинения им страданий и смерти — и что удовольствие от вкуса не может служить оправданием для потребления продуктов животного происхождения, так же, как и удовольствие от просмотра собачьих боев не может оправдать то, что сделал Майкл Вик.

Поэтому, если мы полагаем, что наличие законов, требующих «гуманного» обращения, имеет хоть какое-то значение, мы ошибаемся. Даже если бы эти законы были эффективны, каковыми, и мы покажем это ниже, они не являются, при самом лучшем сценарии огромное количество животных продолжало бы страдать. И ситуация, при которой допускается меньше *ненужных* страданий, все еще находится в конфликте с идеей, которую, по нашим словам, мы разделяем, что мы можем оправдать только *необходимое* страдание. А необходимое страдание требует наличие конфликта, некоего принуждения к этому. Наше удовольствие от вкуса не отвечает указанному критерию, также как не отвечало ему и развлечение Майкла Вика от просмотра собачьих боев.

Необходимо еще и еще раз подчеркнуть этот момент, поскольку многие люди, столкнувшись с аргументом, что мы не можем оправдать поедание животных или продуктов животного происхождения, реагируют на это «Но» почти спонтанно. Они упускают из вида, что в тот самый момент, когда мы начинаем говорить о законе, запрещающем причинение «ненужных» страданий в контексте деятельности, которая сама по себе является ненужной, мы говорим бессмыслицу. Правило, запрещающее «ненужное» страдание или требующее «гуманного» обращения в контексте собачьих боев не имело бы смысла, потому что все страдания, связанные с собачьими боями, является ненужным. Так что говорить о «гуманном» обращении с животными, которых мы едим или используем, чтобы произвести мясо, молочные продукты, яйца или другие продукты животного происхождения, значит говорить об уменьшении страданий, *ни одно из которых* не является необходимым, — такой подход полностью лишен смысла!

Давайте рассмотрим пример в человеческом контексте. Предположим, у вас есть правило, запрещающее «ненужные» страдания жертв изнасилования и требующее «гуманного» обращения с ними. Теперь, если человек X решит изнасиловать человека Y, всегда лучше, если он причинит Y меньше вреда. Лучше, если X не станет бить Y в дополнение к изнасилованию. Но если бы кто-то предложил закон, который бы запрещал причинение «ненужных» страданий жертвам изнасилования и требовал бы «гуманного» обращения с ними, мы бы все согласились, что это не имело бы смысла и было бы морально оскорбительно. Конечно, всегда лучше делать что-либо аморальное менее вредоносным путем, чем более. Но это не значит, что, делая что-то аморальное менее вредоносным способом, вы делаете аморальное моральным.

Во-вторых, учитывая экономические реалии современного мира, идея «гуманного» обращения — как идея о Санта Клаусе или Зубной Фее — утешительна в некотором смысле, по крайней мере, для потребителя, будучи, однако, чистой фантазией.

Животные являются *собственностью*. Они являются *товарами для экономики*; у них есть *рыночная стоимость*. Мы можем сентиментально ценить собак, кошек и других животных, живущих в наших домах. Но, как только речь идет о законе, они просто наша собственность. Мы можем отвезти их в приют или в офис ветеринара, где их могут убить, когда мы захотим.

Собственность в отношении животных, конечно, отличается от других видов собственности, которыми мы владеем, тем, что животные, в отличие от машин, компьютеров, приборов или других товаров, являются разумными и имеют свои интересы. Все способные чувствовать существа заинтересованы в том, чтобы не страдать от боли и других лишений, а также в удовлетворении этих интересов, имеющих свои особенности для их биологического вида.

Однако, защита интересов животных стоит денег. Как правило, мы тратим деньги на защиту интересов животных только тогда, когда это оправдано экономическими причинами — только когда люди получают от этого экономическую прибыль. То есть, закон обычно запрещает причинение страданий животным только тогда, когда нам это выгодно с экономической точки зрения.

Рассмотрим Американский Закон о гуманном убое (*Humane Slaughter Act*), первоначально введенный в 1958 году, требующий, чтобы больших животных, которых убивают для еды, оглушали и они были без сознания в тот момент, когда их сковывают цепями, поднимают лебедкой и ведут на убой. Этот закон защищает интересы животных в момент убоя, но делает это только потому, что это экономически выгодно. Большие животные, которые находятся в сознании и висят вверх ногами и мечутся, когда их убивают, могут причинить увечья работникам боен и спровоцировать дорогостоящее повреждение туши. Поэтому оглушение, или обездвиживание больших животных, имеет хороший экономический смысл. Такая практика приведет к сокращению увечий среди рабочих и повреждений туши, что в свою очередь обеспечит более низкую рыночную цену. Конечно, у этих животных на протяжении их жизни может быть много других интересов, не только стремление избежать страданий в момент убоя, но эти интересы не защищены, поскольку это экономически не выгодно.

Интересно, что Закон о гуманном убое не распространяется на кур, которых ежегодно убивают миллиардами и которые составляют 95% всех животных, которых мы убиваем. Почему нет? Потому что в 1958 году не предполагалось, что распространение действия Закона на кур может привести к какой-либо экономической выгоде. Многие защитники прав животных выступают за то, чтобы Закон распространялся на мясо птицы, и их аргумент основывается, в частности, на идее, что якобы «гуманный» способ убийства кур, предполагающий обработку их газом перед обезглавливанием и ощипыванием, является экономически эффективным и снизит затраты на производство. Работники часто получают увечья при сегодняшней практике убоя и, поскольку куры сопротивляются перед смертью, это приводит к большому количеству случаев повреждений туш.

Законы о защите животных, как правило, либо прямо исключают то, что считается «нормальной» или «обычной» практикой институционализированного использования животных, и, в частности, исключают животных, которых мы выращиваем и убиваем для еды, либо суды интерпретируют причиненные при такой практике боль и страдания как «необходимые» и «гуманные». То есть, закон следует за индустрией в введении стандартов «гуманного» обращения. Это различие основано на предположении, что те, кто производят продукты животного происхождения, — от заводчиков до фермеров и операторов скотобоен — не причинят животным больше вреда, чем это требуется для производства конкретного продукта, также как рациональный собственник машины не возьмет молоток и не разобьет ее без причины. В любом случае, цель большинства законов о защите животных сделать производственный процесс более эффективным.

Помимо экономики эффективности производственного процесса, законы о защите животных, требующие «гуманного» обращения, на самом деле не о животных; они о людях и том, чтобы заставить людей не переживать на тему использования животных. Мы можем успокоить себя идеей, что мы поступаем «гуманно».

Давайте внесем ясность: законы, требующие «гуманного» обращения, разрешают *пытки* — и мы используем этот термин буквально и сознательно — животных, которых мы выращиваем и убиваем ради мяса и других продуктов животного происхождения. Большая часть мяса, молочных продуктов и яиц, которые мы едим, произведены из животных, находящихся на интенсивном стойловом содержании в специализированных животноводческих хозяйствах, о чем мы говорили ранее. А специализированные животноводческие хозяйства являются ничем иным, как огромными пыточными камерами.

Но... Что если бы мы улучшили обращение с животными, которых мы используем для еды?

Давайте предположим, что мы все согласны с тем, что животные, которых мы используем для еды, ужасно живут и страшно умирают, и законы, требующие «гуманного» обращения, по большей части, бесполезны. Но что если бы мы все это изменили, перейдя от специализированных животноводческих хозяйств к ферме старого Макдональда, и отменили бы интенсивное стойловое содержание в пользу лучших условий? Разве мы не могли бы это сделать?

Это именно то, что предлагают некоторые защитники животных. Фактически, большинство крупных организаций по защите животных в Соединенных Штатах, Британии и других местах организует кампании за более вместительные клетки для кур-несушек, за большие пространства для откармливания свиней и телят, и более «гуманные» скотобойни. Многие из этих крупных организаций по защите животных поддерживают и продвигают различные схемы маркировки, информирующие потребителей о том, что они якобы покупают продукт «повышенного благоденствия».

Есть два важных соображения.

Во-первых, как и предыдущее «Но», касающееся законов по «гуманному» обращению, это «Но» игнорирует суть проблемы. Даже если бы реформы, предлагаемые защитниками животных, могли бы значительно улучшить благоденствие животных, что, как мы объясняем ниже, совсем не так, это бы означало только то, что страдания животных были бы уменьшены. Но поскольку использование животных для еды совсем не является необходимым, это все равно не делает потребление нами животной пищи соответствующим с моральным принципом, с которым, как мы говорим, мы согласны: что причинение любого страдания и смерти животным требует некоторой необходимости, некоего принуждения.

Если бы мы реформировали собачьи бои в сторону меньшего насилия, возможно, произошло бы уменьшение страданий собак, но никто из тех, кто считает неправильным сделанное Майклом Виком, не изменил бы своего мнения и не поддерживал бы собачьи бои. Собачьи бои неправильны потому, что на практике это приводит к ненужным страданиям и смерти. Употребление животной пищи является неправильным потому, что на практике это приводит к ненужным страданиям и смерти. «Гуманизация» любой из этих практик в обоих случаях не соответствует нашей моральной интуиции о необходимости оправдать страдания животных. Тот факт, что защитники животных объединяются с индустрией в целях поддержки и расхваливания «счастливого» мяса, яиц и молочных продуктов, не более означает, что потребление этих продуктов является морально приемлемым, чем если бы объявление религиозным человеком совершения акта насилия волей Бога давало бы ему моральное право убивать.

Во-вторых, реформы, предлагаемые организациями по защите животных, вряд ли означают упразднение специализированных животноводческих хозяйств или возвращение к семейным фермам 19 века. Напротив, большинство из предложений организаций по защите животных включает в себя реформы, повышающие эффективность производства или предполагающие, по большей части, только крошечный рост производственных расходов, не имеющий значительного рыночного эффекта. Например, отравление газом цыплят (в отличие от простого их обезглавливания) снижает количество случаев повреждений туши или увечий работников; увеличение пространства для свиней и телят приводит к менее подверженным стрессу животным, затраты на лечение которых у ветеринара также снижаются. Эти реформы *очень* скромные. Они соотносятся с этичным отношением к животным так же, как мягко обитые, в отличие от необитых, приспособления для пыток водой в Гуантанамо соотносятся с правами человека.

Наиболее «гуманно» выращенные животные по-прежнему содержатся и убиваются в ужасных условиях. Точка. Все эти разговоры о «счастливых» продуктах животного происхождения — это о нас; о том, чтобы заставить нас чувствовать себя более комфортно, делая то, что изводит нас внутри. О том, чтобы не дать нам понять, что мы все Майкл Вик, если мы продолжаем потреблять продукты животного происхождения. Это действительно не имеет *ничего* общего с животными. Они продолжают ужасно страдать независимо от того, какой «счастливый» ярлык — «свободный выгул» (“free range”), «без клеток» (“cage-free”), «органическое» (“organic”), «Сертифицированный Гуманно Выращенный и Ухоженный» (“Certified Humane Raised and Handled”) или «Еда Свободы» (“Freedom Food”) — наклеен на их трупы или сделанные из них продукты. И еще хуже, когда такие «счастливые» продукты восхваляются и поддерживаются крупными организациями по защите животных.

Как мы обсуждали выше, защита интересов животных стоит денег. Конечно, *теоретически* возможно, что мы все были бы готовы платить гораздо больше за продукты животного происхождения и что стандарты могли бы в значительной степени улучшиться. Но это только теория. Немногие люди могли бы позволить себе продукты животного происхождения, произведенные способом, обеспечивающим значительно большую защиту интересам животных.

И давайте внесем полную ясность; даже если бы мы *полностью* упразднили малейшие остатки специализированных животноводческих хозяйств, *что экономически невозможно*, и вернулись бы обратно к системе, которую мы считаем идиллической семейной фермой, по-прежнему будет страдать огромное количество животных. Образ фермерства, сложившийся из сборников рассказов, является фантазией, придуманной для того, чтобы заставить детей чувствовать себя комфортно, поедая создания, которые выглядят так же, как любимые ими мягкие игрушечные животные.

Более того, любой, достаточно беспокоящийся для того, чтобы платить значительно более высокую цену за такое производство, мог бы возможно озаботиться тем, чтобы вообще перестать есть продукты животного происхождения. Кроме того, учитывая экономические реалии и правила свободной торговли, даже если бы стандарты содержания животных значительно улучшились в одном месте, спрос на более доступную по цене, произведенную с меньшей заботой о животных продукцию вынудил бы производителей с более высоким уровнем стандартов содержания животных уйти из бизнеса, за исключением, возможно, обслуживания очень маленького и состоятельного нишевого рынка.

Но... Что если бы мы обращались с животными, которых мы используем для еды, также, как мы обращаемся с нашими домашними питомцами?

Это другой вариант «Но что, если бы мы улучшили обращение с животными, которых мы используем для еды». Он признает, что мы не можем обращаться с животными «гуманно» до тех пор, пока существуют специализированные животноводческие хозяйства или даже маленькие фермы. И поэтому он задается следующим вопросом: если бы у нас была корова или пара цыплят, и мы выращивали бы их на наших подворьях, относились бы к ним также, как к нашим собакам, кошкам или другим животным-компаньонам, которых мы считаем членами наших семей, и безбоязненно бы их убивали, что плохого было бы в том, чтобы употреблять в пищу их или сделанные из них продукты?

Существует четыре ответа.

Во-первых, с практической точки зрения, скорее всего невозможно выращивать и убивать животных совсем без боли и страданий, которые неизбежны даже при самых идеальных обстоятельствах. Это снова возвращает нас к идее, что меньше страданий определенно лучше, чем больше, но, если мы считаем животных имеющими моральную ценность, мы должны быть способны оправдать *любые* боль и страдание, которые мы причиняем.

Во-вторых, с психологической точки зрения, это предложение является наиболее нереалистичным. Мы бы не стали есть животных, если бы мы думали о них так же, как мы думаем о наших собаках, кошках и других домашних животных-компаньонах.

Мы знали пару, которая решила, что они хотят продолжать есть продукты животного происхождения, но будут сами производить мясо, молоко и яйца на маленькой ферме, которой они владели. Они триумфально объявили, что смогут выращивать и убивать животных без причинения им страданий больших, чем страдали бы их собаки и кошки, которых они любили и чьи интересы всегда стремились защитить.

Мы были настроены скептически именно потому, что мы знали, что раз они относятся к коровам, свиньям и цыплятам так же, как относятся к своим собакам и кошкам, они не смогут есть этих животных так же, как не стали бы есть своих собак и кошек. И именно это и произошло.

Примерно через два года они забросили ферму и перестали есть все продукты животного происхождения. «Они стали семьей; мы просто не могли их съесть», как они выразились. Тем из нас, кто живет с домашними животными-компаньонами, мысль о том, чтобы их съесть, никогда не приходит в голову. Если бы мы стали относиться к животным, которых мы используем для еды, так же, как мы относимся к нашим домашним питомцам-компаньонам, мы бы тоже не стали их есть.

В этом все и дело. Если включается свет и мы видим, что мы все Майкл Вик, то нужно не быть Майклом Виком и перестать потреблять продукты животного происхождения. Решение не в том, чтобы обращаться с животными, которых мы собираемся съесть, так же, как мы обращаемся с собаками и кошками.

В-третьих, с философской точки зрения, этот вопрос предполагает, что, если бы мы могли использовать животных, не заставляя их страдать, безболезненное убийство нами животного само по себе не было бы чем-то, что принесло бы вред животному.

Это резко контрастирует с тем, как мы думаем о людях. Да, страдания — это плохо, но мы считаем смерть, даже безболезненную, очень плохим явлением. У нас, у людей, есть стремление продолжать жить. Смерть разрушает это стремление, которое отлично от стремления избежать страданий. Мы не хотим страдать; мы также не хотим умирать. Животные, как многие говорят, не хотят страдать, но им все равно умрут они или нет если акт убийства не связан с причинением страданий; страдание, а не убийство, — вот что беспокоит животное.

Эта идея, в разных формах, существует уже сотни лет. Моральная интуиция, которую мы все сейчас разделяем, что животные имеют моральное значение, но меньшее чем люди, и что мы можем использовать животных, когда в этом есть потребность в той мере, в которой мы можем минимизировать их страдания, это идея, возникшая в 19 веке. Она предполагала, что использовать животных при необходимости допустимо, потому что, в отличие от людей, они не обладают самосознанием и у них нет стремления к продолжению жизни; то есть, они не предпочитают, или не желают, или не хотят остаться в живых.

Эта идея, которая безусловно заставляет нас чувствовать себя комфортнее в связи с убийством животных ради еды, была безумной в 19 веке. Она остается безумной и сейчас.

Крайне странно говорить, что смерть не наносит вред любому чувствующему существу. Способность ощущать не является свойством, которое развилось, чтобы служить самоцелью. Напротив, это способность, которая позволяет существам распознавать ситуации, могущие причинить вред и угрожающие выживанию. *Способность ощущать — это средство для достижения цели продолжающегося существования.* Чувствующие существа, в силу их способности ощущать, стремятся оставаться в живых; это значит, что они предпочитают, хотят или желают оставаться в живых.

Говорить, что смерть не причиняет вреда чувствующему существу, значит отрицать, что у этого существа есть такое стремление, обеспечению которого и служит способность к ощущениям. Это будет аналогичным высказыванию, что у существа, имеющего глаза, нет потребности в том, чтобы продолжать видеть, или что ослепление не принесет ему вреда. Джайны Индии хорошо выразили это давным-давно: «Все существа любят жизнь, любят удовольствия, ненавидят боль, избегают уничтожения, любят жизнь, стремятся жить. Жизнь дорога для всех».²⁹

Мнение о том, что животные не обладают самосознанием не основано ни на чем большем, кроме как на допущении, что единственный способ быть самосознательным означает иметь самосознание взрослого человека. Это, безусловно, *один из способов* быть самосознательным. Но не единственный. Как заметил биолог Дональд Гриффин (Donald Griffin), один из самых значимых когнитивных этологов двадцатого века, в своей книге «Животный Разум» (*Animal Minds*): если животные вообще что-нибудь осознают, «собственное тело животного и его собственные поступки должны попадать в круг его воспринимающего сознания». Тем не менее, мы отрицаем самосознание у животных, потому что утверждаем, что они не могут «обдумывать такие мысли, как «я тот, кто бежит, или поднимается по этому дереву, или гонится за этой бабочкой». Гриффин утверждает, что «когда животное сознательно воспринимает бег, лазание по дереву или погоню за бабочкой другого животного, оно также должно понимать, кто делает эти вещи. И если животное сознательно воспринимает свое собственное тело, трудно исключить, что оно похожим образом осознает, что это оно само бежит, взбирается на дерево или гонится за бабочкой». Он приходит к выводу, что «если животные способны к осознанию через восприятие, отрицать наличие у них определённого уровня самосознания было бы произвольным и неоправданным ограничением».³⁰

Очевидно, что *каждое* чувствующее существо обязательно обладает самосознанием в том смысле, что обладать способностью к ощущениям означает быть такого рода существом, которое понимает, что осознает именно оно, а не какое-то другое существо. Когда чувствующее существо испытывает боль или стресс оно обязательно распознает, что это именно она или он, а не кто-то другой, испытывает боль или стресс. Есть *кто-то*, кто осознает боль и предпочитает не иметь такого опыта.

²⁹ Ачаранга Сутра / *Acaranga Sutra*, ат. 1.4.1.

³⁰ Дональд Р. Гриффин «Ум животных: от Познания к Сознанию»

Donald R. Griffin, *Animal Minds: Beyond Cognition to Consciousness* (University of Chicago Press 2001), p. 274.

Даже если животные живут в некоем подобии «вечного настоящего», в чем мы сомневаемся, то это еще не значит, что они не обладают самосознанием, не стремятся продолжать жить или что смерть не наносит им вреда. Это просто означает, что у них другое самосознание. Животные по-прежнему имеют чувство самих себя *в каждый конкретный момент времени*. Они по-прежнему хотят попасть в следующий миг настоящего. Их чувство самосознания может отличаться от самосознания нормального взрослого человека, но было бы неправильным говорить, что они не обладают самосознанием или равнодушны к смерти.

Мы видим это там, где речь идет о людях. Если человек умственно неполноценен и не обладает самосознанием в той же степени, в которой само сознателен нормальный взрослый человек, мы не считаем, что такой человек не хочет жить или что смерть не является для нее или него вредом. Она или он могут обладать отличающимся от других самосознанием, но это все равно будет самосознание с моральной точки зрения достаточное, чтобы мы расценивали восприятие такого человека исключительно в качестве ресурса — а именно так мы относимся к животным, используемым для еды — как аморальное.

В общем, если существо является чувствующим — то есть, осознает через восприятие — тогда оно заинтересовано в продолжении жизни и смерть наносит ему вред. Обладать самосознанием совсем не обязательно означает обладать автобиографическим чувством своего «я», что мы ассоциируем с обычными взрослыми людьми. А чувство самосознания, подобное человеческому, совсем не обязательно предполагает наличие потребности в продолжении жизни.

В-четвертых, давайте вернемся к практической части вопроса. Даже если все, что мы сейчас сказали, является полностью неверным и было бы возможным животноводство, при котором с животными обращаются, как с собаками и кошками, они вообще не страдают и умирают от старости, реальность такова, что продукты, сделанные из таких животных, просто недоступны *сейчас* в мире, в котором мы живем. Так как это может повлиять на выбор вашего блюда сегодня вечером?

Ответ очевиден: *никак*.

Есть люди, которые, когда они узнают, что мы не употребляем молоко (или что угодно от любого, имевшего глаза или мать, обязательно расскажут нам историю о корове своих прабабушки и прадедушки, к которой относились как к члену семьи.

Хотя с точки зрения опыта мы не согласны с тем, что в условиях семейной фермы корова не испытывала страданий, мы не спорим с этим, но задаем вопрос, что случилось с телятами, родившимися в результате регулярных беременностей этой коровы, осуществляемых для того, чтобы она могла продолжать давать молоко. Причина, по которой мы задаем этот вопрос в том, что мы знаем ответ: мальчики проданы как телятина, также, как и некоторые девочки. Остальные девочки стали молочными коровами. Это понятным большинству людей образом подрывает аргумент об отсутствии страданий на семейных фермах.

Но всегда находится человек, который ответит на это: «Всем детенышам было позволено жить на ферме и их никогда не отправляли на бойню. Я вам говорю, эти коровы никогда не страдали». Опять же, есть много вещей, которые можно сказать в ответ на это дико фантастическое описание, но самым эффективным будет спросить: «Вы можете сейчас достать молоко, сделанное таким образом?»

Ответ всегда: «Нет».

Наша реакция всегда такова: «Даже если бы все это было правдой, какое отношение это имеет к вашему решению сейчас употреблять молоко?»

Ответом всегда является или признание того, что гипотетическая ситуация с точки зрения нашего реального морального поведения не имеет смысла, или реплика, выражающая раздражение — показатель того, что мы задали вопрос, на который невозможно ответить удовлетворительным образом.

Другое близкое к данной теме «Но», с которым мы сталкиваемся в этом вопросе — «Но... Что если бы я спас и приютил курицу и относился бы к ней, как к своей собаке или кошке. Было бы правильным есть ее яйца?» Оставляя в стороне тот факт, что подобная система не могла бы поставлять яйца большому количеству людей (только, если мы все приютим куриц), реальность состоит в том, что поскольку курицы специально были такими, чтобы мочь нести неестественное количество яиц, питательные вещества в их организмах истощаются, и курицы часто и обычно едят собственные яйца, когда они понимают, что не оплодотворены. И куры-несушки часто испытывают сильный стресс, когда забирают их яйца. Так что даже при самом лучшем сценарии, который, конечно, не может обеспечить поставку сколько-нибудь коммерчески значимого количества яиц, мы все равно забираем яйца, которые нужны курицам самим, и ставим их в ситуацию, в которой они испытывают стресс. И если мы не собираемся ухаживать за ними до того времени, пока они умрут от естественных причин, что может случиться через 10 и больше лет после завершения цикла производства яиц, мы в конце концов их убиваем.

Суть понятна: нельзя производить продукты животного происхождения — мясо ли, молочные продукты или яйца, — без страданий даже при самых благоприятных обстоятельствах, и смерти. Это просто не может быть сделано. И если у нас нет необходимости потреблять продукты животного происхождения, тогда мы не можем оправдать даже значительно сниженный уровень страдания и более «гуманную» смерть на несуществующей ферме Старика Макдональда — также, как мы все согласны с тем, что организация более «гуманных» собачьих боев не оправдывала бы поведение Майкла Вика.

Но... Разве мы не должны сначала решить вопросы прав человека?

Это часто встречаемое «Но». Мы объясняем причины, по которым мы не можем оправдать потребление продуктов животного происхождения, и кто-нибудь задает вопрос: «Да, но как насчет проблемы женщин, ставших жертвами насилия?»

Это ничем не отличается от обсуждения вопроса о неадекватной реакции правовой системы на проблему женщин, ставших жертвами насилия, только чтобы было кому ответить: «А как же проблема педофилии?» Всегда есть что-то еще, о чем можно поговорить!

И мы замечаем, что когда мы спрашиваем людей, которые задают этот вопрос, что *они* делают для решения вопросов прав человека, которые, как они утверждают, значительно важнее, чем вопрос эксплуатации животных, над которым мы работаем, в девяти случаях из десяти они обычно отвечают, что не делают ничего.

Но в случае, что вы один из тех людей, кто действительно беспокоится об этом и посвящает время, деньги или энергию вопросам прав человека, мы хотим исследовать это «Но» дальше.

Конечно, в этом вопросе содержится мнение, что люди в моральном смысле значат больше, чем животные, и поэтому нам нужно сосредоточиться на человеческих проблемах, а не на проблемах животных. Как мы сказали в начале, мы не собираемся оспаривать общепринятый взгляд, что хотя животные имеют моральное значение, люди значат больше. И тем не менее это «Но» ни к чему не приводит.

Во-первых, никто не просит, чтобы кто-нибудь прекратил работать над вопросами прав человека или беспокоиться о них. Напротив, мы согласны с тем, что ужасно много расизма, сексизма, гетеросексизма, аблеизма, классовой дискриминации и всех других видов несправедливости, и мы думаем, что это великолепно, что люди беспокоятся и работают над этими проблемами.

Но какое отношение это имеет к тому, о чем мы говорим в этой книге, что просто если вы согласны с тем, что животные имеют хоть какое-то моральное значение, вы больше не должны их есть?

Ответ: *никакого*.

Даже если вы полагаете, что любые и все проблемы прав человека важнее проблемы эксплуатации животных, вы должны что-то есть, пока вы сражаетесь за эти высокие идеалы. Как, например, поедание тофу вместо стейка может помешать вашей способности бороться за права человека? Никак. На всякий случай, здоровая веганская диета даст вам больше энергии стремиться к этим целям.

Вот как применяется этот анализ.

Итак, вы покидаете вашу утреннюю встречу в местном агентстве по защите детей, связанную с вашими усилиями добиться лучшей для них защиты, и хотите что-нибудь купить на обед. В чем конфликт между вами и коровой, который оправдывает поедание вами гамбургера? На самом деле, если вы едите гамбургер, вы сами в этот момент своими действиями отреклись от принципа, с которым, как вы утверждаете, вы согласны: причинение страданий животным требует морального оправдания.

У нас его нет.

Во-вторых, даже если вас интересуют только права человека, вас также должна интересовать проблема эксплуатации животных, потому что она напрямую связана с важным вопросом прав человека. Как мы обсуждали ранее, объем ресурсов, требуемых для производства продуктов животного происхождения, в разы превышает объем, требуемый для производства растительной пищи.

Хотя есть, конечно, политические проблемы, которые препятствуют распределению продовольствия, также верно, что животноводство и диета на основе продуктов животного происхождения являются все возрастающей угрозой голода в мире, угрозой снабжению нас водой, нашим пахотным слоям почвы, и т.д.

Но... Как насчет Гитлера? Он был вегетарианец.

Нет, он им не был.

Но давайте не будем беспокоиться на тему столь незначительную, какой являются ложные исторические факты. Давайте предположим, что Гитлер не употреблял продукты животного происхождения. Что это может сказать о неупотреблении животной пищи? Абсолютно ничего.

Соображение, легшее в основу «Но Гитлер», состоит в том, что Гитлер беспокоился о животных и это привело его к недооценке людей, и, как следствие, к тому, чтобы совершать с ними ужасные вещи. Поэтому, если вы беспокоитесь о животных, вы обязательно будете недооценивать людей и делать с ними ужасные вещи. Значит, продолжайте потреблять продукты животного происхождения. Отведите детей скушать ведерко жареных цыплят сегодня вечером; вы же не хотите, чтобы они стали нацистами.

Не говоря уже о явной абсурдности этой позиции, помните, что Иосиф Сталин убил миллионы людей, также, как и Председатель Мао. Оба ели продукты животного происхождения. В Камбодже Пол Пот, в Японии Хирохито, Король Бельгии Леопольд II и Франциско Франко в Испании также несут ответственность за ужасные злодеяния. Они все ели животную пищу. Поэтому, если вы думаете, что то, что вы едите, может сделать вас массовым Убийцей, лучшим советом вам будет не употреблять животную пищу, учитывая взаимосвязь между массовым убийцей людей и потребителем продуктов животного происхождения.

Есть смысл, в котором это «Но Гитлер» пытается внедрить неблагоприятную ассоциацию: у Гитлера была особенность — он был вегетарианец (которым он не был) — и Гитлер был злым человеком, поэтому мы должны отвергнуть любые характеристики, связанные с ним. Но Гитлер также принимал ванну. Поэтому нам также не следует принимать ванну, поскольку мы не хотим быть похожими на Гитлера. Он также носил одежду и пил воду. Если вы не хотите быть похожими на Гитлера, перестаньте носить одежду и пить воду.

Вы поняли смысл.

Но... Как насчет растений?

Сцена: мы на званом обеде. Занимаемся своими делами и едим свою веганскую еду. Кто-нибудь спрашивает, почему мы не едим мясо и молочные продукты, которые едят остальные? Спрашивают, связано ли это с соображениями здоровья? Мы отвечаем: «Нет, с соображениями морали». И почти сразу же раздается вопрос:

«А как же растения?»

Это «Но» часто относится к конкретной растительной еде, которую мы в данный момент едим; например, «А как же насчет брокколи, которую вы едите? Разве ей не было больно, когда ее готовили?»

Наряду с «Но Гитлер, это «Но» самое нелепое среди всех «Но». *Никто* на самом деле не думает, что растения такие же, как животные. Если бы кто-нибудь съел ваш помидор и вашу собаку, никто бы не счел эти два поступка схожими.

Давайте внесем ясность: не существует *никаких* научных доказательств того, что растения думают или демонстрируют какой-либо вид умственной активности, чтобы мы могли сказать, что у растений есть интересы. Нет *никаких* научных доказательств того, что растения обладают каким-либо разумом, который предпочитает, или желает, или что-либо хочет. Нет никаких научных доказательств того, что опускание брокколи в кипящую воду хоть как-то похоже на забой коровы, свиньи или цыплёнка, или на опускание живого лобстера в кипящую воду.

Мы могли бы начать здесь дискуссию о ботанике, но в этом действительно нет необходимости, так как никто на самом деле не утверждает, что растения наделены сознанием и могут испытывать боль, или что они обладают перцептивным осознанием чего-либо. Забота о растениях получила свое начало в 1973 году, когда журналист и писатель, занимавшийся альтернативной наукой, написал «*Тайную Жизнь Растений*» (*The Secret Life of Plants*), основанную на сомнительных экспериментах, среди прочих, Клива Бакстера (Cleve Backster). Первоначально Бакстер работал специалистом по допросам в ЦРУ, и, в 1968 году, опубликовал статью в «Международном Журнале Парапсихологии», утверждая, что у растений есть мысли и эмоции, и они могут читать мысли человека.

Но постойте. Ученый из Университета Тель-Авива Дэниель Чамовитц (Daniel Chamovitz) в своей книге 2012 года, «Что Знает Растение: Полевой Путеводитель по Чувствам» (*What a Plant Knows: A Field Guide to the Senses*) сообщает, что растения могут видеть, обонять, думать и чувствовать. Он признанный ученый, и он, кажется, говорит, что мы не правы, верно?

Нет. Журнал «Научный Американец» (*Scientific American*) брал интервью у Чамовитца и спросил его напрямую: «Можете ли вы в таком случае сказать, что растения думают?» Чамовитц ответил: «Нет, я бы так не сказал». И добавил: «Подобно тому, как растение не может пострадать от субъективных болевых ощущений в отсутствие мозга, я также не считаю, что оно думает».³¹

Чамовитц, и такие люди, как философ Майкл Мардер (Michael Marder), который в своей книге 2013 года «Растительное Мышление: Философия Растительной Жизни» (*Plant-Thinking: A Philosophy of Vegetal Life*) отстаивает позицию «этичного отношения к растениям», указывают на случаи, в которых растения реагируют на раздражители. Никто не спорит, что они реагируют. Они — живые. Они осуществляют на клеточном уровне различные виды деятельности, некоторые из которых очень сложны. Но они не осуществляют *никакой* деятельности на уровне мышления или сознания, потому что не обладают ни сознанием, ни мышлением.

³¹ Гарет Кук «Думают ли растения?» Gareth Cook, «Do Plants Think?» *Scientific American*, June 5, 2012, at www.scientificamerican.com/article/cfm?id=do-plants-think-daniel-chamovitz

Растения автоматически реагируют, а не осознанно взаимодействуют.

Повернется ли растение к солнцу? Конечно. Будет ли оно делать тоже самое, если движение в этом направлении приведет к его гибели? Конечно. Будет ли какое-либо животное вести себя таким образом? Нет. *Животные осознанно взаимодействуют; растения реагируют.*

Звонок будет реагировать, если вы пустите электричество по проводу, которому он подключен. Означает ли это, что звонок откликается? Нет. Означает ли это, что звонок обладает сознанием? Способен к ощущениям? Нет, конечно, нет. Звонки реагируют; растения реагируют. Ничто из них не находится в сознании; ничто из них не разумно; и не отзывается ни на что. Они не являются чем-то, способным отозваться; они являются только вещами, которые могут реагировать. Действительно, они — *вещи*.

Полным разоблачением в данном случае является тот факт, что те, кто защищают позицию «этичного отношения к растениям», столкнувшись с неоспоримым фактом, что растения не ощущают, заявляют, что, хотя растения и не ощущают, они, используя выражение, употребленное Мардером в дебатах со мной, организованных «Columbia University Press», способны к «бессознательной интенциональности».³²

«Бессознательная интенциональность». Что это означает в нашем мире? Как кто-нибудь может намереваться делать что-нибудь в бессознательном режиме? Разве сознание не является необходимым для намерения? Участвуют ли растения в деятельности, которая достигает определенных результатов? Да. Но в этом контексте напрашивается разговор о «интенциональности». В настоящий момент в нашем теле происходят все виды биологических процессов. Мы надеемся, что эти процессы направлены на достижение определенных целей, таких как восстановление клеток, а не других, как, например, образование опухоли. Но можем ли мы говорить об «интенциональности» раковых клеток? Только если мы поднимем этот вопрос и предположим, что клеточные реакции имеют мыслительный компонент. Мы могли бы сказать, что электрически заряженные частицы, движущиеся по проводам, бессознательно стремятся заставить звонок звенеть. Это было бы глупым, но не глупее, чем сказать, что венерина мухоловка бессознательно стремится сомкнуть свои «челюсти» над мухой.

Сторонники «этичного отношения к растениям» часто утверждают, что мы просто не можем сказать, действительно ли растения являются чувствующими. Они могут быть чувствующими в такой форме, которую мы пока не можем распознать. Мы просто не знаем. Например, хотя Чамовитц и признает, что растения не могут думать, он добавляет «но, может быть, это как раз именно тот вопрос, в ответе на который я все еще ограничен в моем собственном мышлении!» На это есть три простых ответа.

Во-первых, вы можете сказать тоже самое о любом предмете. Вы можете, например, утверждать, что мы не можем по-настоящему знать, является ли конкретная травинка реинкарнацией Эйнштейна. Она вполне может оказаться Эйнштейном; у нас просто нет сейчас возможностей узнать это. Делать абсурдные заявления и говорить, что они могут и не быть таковыми потому что есть вероятность, что они не абсурдны — это абсурдная попытка.

Во-вторых, если вы не собираетесь игнорировать принцип эволюции, вам понадобится объяснить, зачем растениям характеристика, которая для них совершенно бесполезна. Если бы растения могли чувствовать боль, они ничего не могли бы с ней поделать, кроме как постоянно ее испытывать. Растения не могут убежать.

³² «Дебаты Гэри Франсиона и Майкла Мардера на тему этики взаимоотношений с растениями» “Michael Marder and Gary Francione Debate Plant Ethics,” Columbia University Press Website, at www.cupblog.org/?p=6604

В-третьих, даже если, в противовес всему, что мы знаем, растения были бы способны к ощущениям, мы по-прежнему убиваем больше растений, когда едим животных, чем когда потребляем эти растения напрямую. Поэтому, когда кто-нибудь, поедающий однофунтовый стейк, спрашивает вас о потребляемых вами растениях, вы можете напомнить ему или ей, что корова, из которой сделан этот стейк, однажды была чувствующим млекопитающим, у которого была нервная система очень похожая на нашу и которое вне всякого сомнения было чувствующим. Для того чтобы произвести этот однофунтовый стейк, необходимо около 16 фунтов растительного белка. Так что мы имеем чувствующее млекопитающее, которое погибло вместе с 16 фунтами якобы чувствующих растений.

Так что даже если бы растения были чувствующими, человек, поедающий стейк, и человек, поедающий растения напрямую, оба участвуют в разных вещах, и действия первого намного хуже. И в этом случае, если бы человек, поедающий стейк, действительно морально беспокоился о растениях или о страданиях чувствующих существ в целом, она или он потребляла бы растения напрямую.

Хотя беспокойство о способности растений чувствовать и глупо, это «Но», также, как и «Но Гитлер», является показателем того, что человек, с которым вы разговариваете, признает, что есть что-то неправильное, или, по крайней мере, сомнительное в потреблении животной пищи. Также, как никто *на самом деле* не считает, что диета Гитлера имеет отношение к чему либо, никто *по-настоящему* не думает, что ваша брокколи страдала, когда ее резали или варили. И, также как «Но Гитлер», «Но Растения» — это то «Но», которое, несмотря на его глупость, часто используется людьми во всех других отношениях умными. В любом случае, тот факт, что кто-то предлагает «Но», в частности, такое нелепое как это, может быть верным признаком того, что она или он задеты и обеспокоены употреблением животной пищи.

Но... Употребление в пищу продуктов животного происхождения — это традиция.

Существует одно слово, всякий раз, когда вы слышите которое в контексте аргумента в пользу какой-либо позиции, вы знаете с уверенностью, что человек, использующий его для защиты позиции, не имеет ничего сказать по существу. Это слово — *традиция*.

Использовать традицию или культуру для оправдания чего-либо, просто другой способ сказать, что мы делали что-то очень долго, поэтому мы оправданы в том, чтобы продолжать это делать. Другими словами, это никак не может служить поддержкой той практике, которой мы бросаем вызов.

Мы *знаем*, что люди ели пищу животного происхождения в течение долгого времени. В том-то и дело. Мы подвергаем сомнению такое поведение, как не совместимое с нашей общепринятой точкой зрения, что мы должны быть способны оправдать причинение страданий или смерти животным. Поэтому, повторение того факта, что люди ели пищу животного происхождения в течение долгого периода времени, является полностью бесполезным в той мере, в какой речь идет о продвижении вперед; это просто заново ставит обсуждаемую проблему и не предлагает для нее никакого решения.

Практически все, о чем стоило бы говорить с моральной точки зрения, происходит на протяжении долгого времени и является частью *чей-то* традиции.

Возьмите для примера женское обрезание.

Эта совершенно ужасная практика включает в себя частичное или полное удаление внешних женских половых органов для цели обеспечения добрачной девственности и предотвращения внебрачных сексуальных связей. Хотя можно убедительно возражать против мужского обрезания, женское обрезание значительно более сурово и, в дополнение к сокращению или прекращению любого удовольствия, которое женщина получает в результате полового сношения, существуют серьезные риски и побочные эффекты, включая смертельную геморрагию, цистит, инфекции, хроническую боль и целый спектр гинекологических и акушерских осложнений. Возраст для такого обрезания от нескольких дней до 15 или 16 лет. Иногда это делается позже.

Существует серьезное движение против подобной практики и ряд международных организаций, включая ООН, пытаются ее прекратить. Аргумент довольно прост: делать что-то подобное кому-либо поднимает серьезные вопросы прав человека; делать такое с детьми, молодыми девочками и подростками, которые не могут дать своего информированного согласия, — просто монструозно.

Несмотря на годами прикладываемые усилия, подобная практика сохраняется.

Почему? Каковы возможные оправдания?

Отбросив в сторону совершенно глупые причины, относящиеся к несостоятельным опасениям, что женщина с ее нетронутыми гениталиями не может безопасно управляться с пищей, или что женский клитор опасен для мужского пениса или для головы новорожденного, основная причина проста: это традиция. Это часть культуры в некоторых районах Африки, на Ближнем и Среднем Востоке, и в Юго-Восточной Азии. Они делали это в течение долгого времени. Женское обрезание имеет свои корни в Древнем Египте.

Итак, какие выводы мы делаем из этого?

Мы можем заключить, что нечто очень ужасное происходит уже очень долго.

Мы не можем, однако, сделать вывод, что подобная практика является морально приемлемой вследствие того, что продолжается в течение долгого периода времени.

Аналогичный не-аргумент используется для защиты корриды. Если вы критикуете корриду в таких местах, как Испания, те, кто ее защищают, станут кричать на вас по поводу того, что это давняя традиция. Опять же, что это означает?

Это значит, что люди мучают быков ради удовольствия в течение долгого времени.

И что же?

Существует один смысл, в котором мы должны реагировать на тему аргументов, использующих слово традиция. Они часто приводятся людям в тех обществах, которые были эксплуатируемы или угнетаемы, теми, кто эксплуатировал или угнетал их. Поэтому некоторые защитники практики женского обрезания свирепеют, когда люди из США или Западной Европы, не имеющие большого опыта, когда дело касается Африки, критикуют африканцев за эту практику. Или выходят из себя коренные жители, живущие на севере Канаде, когда некоренные канадцы или выходцы из США критикуют убийство ими тюленей или китов.

Конечно, нам следует с вниманием отнестись к этим опасениям и последствиям других неоправданных практик, таких, как колонизация. Но это не означает, что люди получают карт-бланш делать другие морально неоправданные вещи. Два заблуждения не создают правильное решение.

Наконец, использование традиции для оправдания поедания животных, является особенно абсурдным. *Каждый*, включая людей из *каждой* этнической группы, может заявить, что употребление животной пищи является частью их культурной традиции. Одна из причин того, что «Но Традиция» находит отклик в других контекстах заключается в том, что оно часто употребляется, чтобы защитить практику, которую очень малая часть людей считает священной, каковыми являются женское обрезание или коррида.

Но когда мы используем традицию, чтобы оправдать что-то вроде употребления животной пищи, что делает каждый, это похоже на использование традиции для оправдания сексизма, или расизма, или чего-либо другого, что делают все. В этом примере, использование традиции особенно абсурдно и не приводит ни к чему, кроме как сказать, что эта практика длится уже очень долгое время. Нет ни одного обоснованного аргумента в пользу того, что поедание животных, как вид деятельности, является каким-либо особым образом частью идентичности конкретной группы.

Да, люди могут утверждать, что их отдельные этнические продукты животного происхождения являются частью их групповой идентичности, но это все равно что сказать, что конкретный вид порнографии является частью идентичности группы, практикующей сексизм. Когда речь идет о таких повсеместных явлениях, как потребление животной пищи или сексизм, использование традиции является ничем иным, кроме как попыткой сказать, что нечто критикуемое происходит уже долгое время. И, вместо сожалений о том, что нечто аморальное происходит уже так долго, аргумент традиции говорит: «Мы делали это в течение долгого времени, значит мы можем делать это и дальше».

Но... Мы находимся на вершине пищевой цепи.

Какой пищевой цепи?

Это «Но» является другим вариантом вопроса, дает ли нам наша сила и способность эксплуатировать животных моральное право так поступать? Мы бы сразу увидели проблему, если бы это «Но» использовалось в контексте человеческого измерения. Например, когда-то утверждалось, что белые западные европейцы обладают естественным превосходством над выходцами из Африки, поскольку первые смогли поработить последних.

Нет такого явления, как «пищевая цепочка». Это идея, выдуманная нами для того, чтобы эксплуатация нами животных выглядела якобы имеющей некую основу в природном мире. Это не так. Заявление, что мы находимся на вершине пищевой цепи тождественно заявлению, что мы способны угнетать и эксплуатировать все другие биологические виды на планете. Это может быть правдой, но не имеет никакого значения с точки зрения морали.

Отличаются ли люди от представителей других биологических видов? Конечно. Есть ли у людей способности, отсутствующие у представителей других биологических видов? Конечно. Но и у животных есть множество способностей, которых нет у людей. Да, люди могут писать симфонии (хотя большинство не пишет, кстати). Но птицы могут летать без самолета и рыба может дышать под водой без акваланга. Что, оставляя в стороне ангажированное нашими собственными интересами заявление, делает способности животных менее ценными с моральной стороны, чем способности людей?

Ответ: ничего.

В начале мы пообещали вам, что не будем подвергать сомнению ту часть общепринятого мнения, которая утверждает, что, хотя животные и имеют моральное значение, но не такое, как люди. Наше общепринятое мнение стоит на том, что даже если животные значат меньше, они все-таки *что-то* значат, и причинение им вреда или их убийство требует оправдания. Говорить в ответ на необходимость такого оправдания, что мы на вершине какой-то несуществующей цепи, это просто способ сказать, что убивать и причинять вред животным нормально без всякого морального оправдания.

И это просто способ сказать, что вы не считаете, что животные вообще что-либо значат с моральной точки зрения, и мы можем заставлять их страдать и убивать их просто потому, что у нас есть такая возможность. На самом деле, если вы остановитесь и на минуту задумаетесь над этим, вы поймете, что наша сила и способность эксплуатировать животных налагают на нас обязанность по их защите от эксплуатации!

Но... Я знаю людей, практикующих веганскую диету, которые любят поучать (или лицемерны).

И мы знаем. Оба эти случая.

И что?

Есть люди, выступающие в поддержку моральных вопросов любого рода, которые любят быть нравоучительными — то есть, они поучают, вместо того, чтобы учить. Есть также люди, которые ратуют за моральный вопрос, чтобы это ни было, и затем сами делают то, что вам советуют не делать.

Может ли любое из этих качеств отменить действительность моральной позиции, в поддержку которой они выступают?

Но... Разве то, что я ем, не является моим личным выбором?

Потребление продуктов животного происхождения является «выбором» только в той мере, в которой общество позволяет вам выбирать делать вещи, очевидно и неоспоримо аморальные. Свободны ли вы в выборе расистских взглядов? Да. Поэтому разговор о том, что нечто является «выбором», не скажет ничего о его моральном аспекте.

Мы не можем морально оправдать употребление продуктов животного происхождения. Точка. Употребление этих продуктов может быть вопросом «выбора», но только в самом поверхностном смысле. Это не вопрос выбора для тех, кто относится к морали серьезно. У нас может быть возможность решить причинять вред другим, но это не означает, что мы, в моральном смысле, можем сделать такой выбор.

Если посмотреть на проблему с другой стороны, нет смысла говорить, что мы считаем аморальным причинять ненужные страдания животным и потом заявлять, что причинение ненужных страданий животным является просто вопросом нашего выбора. Мы можем, в смысле закона, иметь свободу выбора делать что-либо, что мы считаем аморальным. Но с позиции морали, у нас нет выбора.

Но... Я занят и быстро перекусить гамбургером просто более удобно.

Если животные вообще что-то значат с моральной точки зрения, удобство действительно ничем не отличается от удовольствия или развлечения, когда речь идет о нелепых оправданиях.

Еще один пример из реальной жизни хорошо проиллюстрирует ситуацию.

Очень может быть, что Митт Ромни (Mitt Romney) проиграл президентские выборы 2012 года, по крайней мере, отчасти, из-за того, как он поступил с Шеймасом.³³

Шеймасом звали ирландского сеттера Ромни, которого тот запер в ящике и прикрепил к крыше своего универсала на период 12-часового семейного путешествия в Канаду в 1983 году. Видимо, Шеймас испражнился, скорее всего потому, что был очень напуган. Ромни остановился на заправке, полил Шеймаса струей воды и запихнул его обратно в ящик, чтобы продолжить путешествие. По словам сыновей Ромни, Шеймас убежал, когда семья приехала в Канаду.

Люди были возмущены тем, как Ромни поступил с Шеймасом. Мы можем простить практически все, кроме намеренного причинения вреда животным без очень веского на то основания. Перефразируя знаменитую цитату Ганди: «Моральное величие кандидата в президенты может быть оценено по тому, как он обращается со своей собакой».

Удобство не может служить веской причиной для того, чтобы причинять страдания животному. Ромни расстроил нас, потому что просто не проявил достаточной заботы, чтобы удостовериться, что перевозка Шеймаса осуществляется безопасно и он не был испуган в течение нескольких часов. Ромни позволил своему удобству, своему нежеланию позаботиться о том, чтобы арендовать трейлер или более просторную машину, возобладать в этой ситуации. И это просто неправильно.

Хотя законы против жестокости не очень эффективны, одна из немногих областей, где они используются эффективно, включает ситуации, в которых люди пренебрегают животными, потому что им просто неудобно за ними ухаживать. Если вы оставите вашу собаку, лошадь или корову умирать голодной смертью или погибать от холода, потому что вы считаете слишком неудобным позаботиться о животном, вы вполне можете подвергнуться уголовному преследованию. Но о чем это говорит нам?

Это говорит нам о том, что наше признание того, что животные обладают моральной ценностью, исключает удобство в качестве основания причинения страданий животным. Животные имеют моральное значение; вы не можете заставить их страдать из-за того, что, как Майкл Вик, вы получаете от этого удовольствие или развлекаетесь, или потому что вы, как Ромни, находите это удобным.

Животные, возможно, не имеют большого значения, но если они вообще что-то значат, наше удобство не является достаточной причиной, чтобы заставлять их страдать.

Это означает, что вы будете вынуждены нести бремя открытия и согревания миски супа или приготовления салата вместо того, чтобы съесть гамбургер, наполненный сыром, беконом, и содержащий больше насыщенных жиров и соли, чем вы должны употребить в месяц, и подаваемый на булочке, содержащей достаточно сахара, чтобы именоваться пирожным. Если животные что-то значат, и если вы хоть как-то беспокоитесь о собственном здоровье, тогда выбросите гамбургер.

³³ Гэри Л. Фрэнсион "Размышляя о Митте Ромни и Шеймase, Майкле Вике и собачьих боях, и этике взаимоотношений с животными" Gary L. Francione, "Thinking About Mitt Romney and Seamus, Michael Vick and Dog Fighting, and Eating Animals," April 18, 2012, at www.truth-out.org/news.item/8459-thinking-about-mitt-romney-and-seamus-michael-vick-and-dog-fighting-and-eating-animals

Но... Одни животные поедают других.

Наши общепринятые взгляды говорят нам, что хотя животные и имеют моральное значение — и мы должны быть в состоянии оправдать причинение им страданий и смерти — люди значат больше из-за таких особенностей, как их способность участвовать в моральных рассуждениях и, в ситуации подлинного конфликта, животные проигрывают, а люди побеждают. Однако, когда мы сталкиваемся с тем фактом, что поедание нами животных в ситуации отсутствия конфликта не может быть оправдано, и мы едим животных и продукты животного происхождения просто потому, что нам нравится их вкус, мы говорим: «Но подождите — животные едят друг друга, так почему же мы не можем их есть?»

Действительно, некоторые животные едят других животных. Это действительно правда. Но какое отношение это имеет к вопросу, следует ли нам потреблять продукты животного происхождения?

Это риторический вопрос; ответ ясен: *никакого*.

Во-первых, хотя некоторые животные едят друг друга в дикой природе, многие так не поступают. Многие животные — веганы. Более того, есть гораздо более тесное сотрудничество в природе, чем то, что мы представляем себе как «жесткость природы».

Во-вторых, вопрос едят ли животные других животных не относится к делу. Какое имеет отношение к делу то обстоятельство, что одни животные едят других животных? Некоторые животные плотоядные и не могут жить без поедания мяса. Мы не относимся к этой категории; мы можем спокойно жить без поедания мяса и другой животной пищи, и все большее количество людей встанут на ту позицию, что нашему здоровью и окружающей среде принес бы пользу отказ от рациона, содержащего продукты животного происхождения.

В-третьих, животные делают множество вещей, которые люди считают морально неприемлемыми. Например, собаки спариваются и испражняются на улице. Означает ли это, что мы должны последовать их примеру или что люди оправданы в подобном поведении?

Интересно, что когда нам удобно, мы пытаемся оправдать нашу эксплуатацию животных, опираясь на наше якобы «превосходство». И когда наше якобы «превосходство» становится на нашем пути, мы вдруг изображаем себя ничем иным как просто одним из видов диких животных, имеющим, как и лисы, все права на поедание цыплят.

В любом случае, у этого аргумента есть проблема, встречающаяся у всех подобных аргументов, сделанных в такой форме: «Ведение деятельности X безнравственно. Но лицо Р делает X. Поэтому нормально осуществлять деятельность X». Вы можете поставить что угодно вместо X. Бить собственную мать безнравственно. Но подождите, Джон регулярно бьет свою мать. Поэтому бить собственную мать морально правильно».

Видите проблему?

Но... Я никогда не смог бы отказаться (от моей любимой еды).

Печально то, что это «Но» мы слышим чаще всего.

Почему это печально? Хорошо подумайте об этом.

Мы говорим, что животные имеют нравственное значение и что мы не можем причинять им страдания, если у нас нет веской причины. Мы соглашаемся с этим моральным обязательством, но потом игнорируем его, потому что считаем трудным перестать есть что-либо (мясо или молочные продукты или яйца), что нам нравятся.

Испытывали бы мы хоть малейшую симпатию к Майклу Вику, если бы он заявил, что он просто любил собачьи бои и не мог от них отказаться?

Хотя мы не считаем, что предпочтения вкуса могут когда-либо стоять выше серьезных моральных вопросов, и что ваша любовь к конкретной еде должна стоять на пути проживания нравственной жизни, нам следует добавить, что существует веганская замена практически любой пище животного происхождения без которой, как вам кажется, вы не можете жить. Есть веганские версии мяса, сыра (включая плавящийся), и все виды веганского молока и мороженого.

Но даже если бы не было замены — даже если бы вам пришлось отказаться от чего-либо, вкус которого вам действительно очень нравится — можете ли вы действительно сказать, что вы цените животных в моральном плане и что ваше удовольствие вкуса может превзойти стремление животного избежать страдания и смерти? Например, молочные продукты содержат в себе не только поддержку индустрии телятины, где большинство телят-мальчиков оканчивают свои жизни, но и разлучение матерей со своими детьми, иногда сразу, а чаще после, самое большее, дня или двух после рождения. Эта сырная пицца стоит того? Это мороженое стоит того? Стоят ли сливки в вашем кофе того? Существуют отличные не-животные альтернативы для всех этих вещей. Но даже если бы их не было, или даже если бы вы не могли достать их в месте, где вы живете, будет ли это стоить того, чтобы поддерживать эту ужасную индустрию и обычную практику отъема детей от своих матерей?

Наконец, есть люди, утверждающие, что имеют «зависимость» от сыра, и некоторые в медицинском сообществе одобрили идею о «зависимости от сыра». Мы очень скептически относимся к этому, отчасти потому, что оба были серьезными потребителями сыра в то время, когда стали веганами, и хотя мы оба скучали по сыру некоторое время, никто из нас не пошел на попятную или испытывал бы что-либо большее, чем сильная тяга некоторое время. И подавляющее число веганов, которых мы знаем, будет смеяться, когда услышит об этой якобы «зависимости». Многим из нас действительно нравился сыр. Но мы перестали его есть, потому что мы приняли моральное решение. Откровенно говоря, мы думаем, что разговор о «зависимости» в этом смысле действительно ничем не отличается от других наших сильных привязанностей: к сыру ли (или другим продуктам), или к проблемному и аморальному поведению, такому как порнография — еще одна вещь, в отношении которой часто используется слово «зависимость». Возможно, вы будете тосковать по сыру, перестав его есть. Но это просто желание, и оно на самом деле ничем не отличается от других желаний, которые вы испытываете к другим любимым вами вещам.

Но... Моя семья и друзья расстроятся, если я перестану потреблять животную пищу.

Есть два ответа на это «Но»: с моральной и практической точек зрения.

С моральной точки зрения ответ таков: *почему вас это беспокоит?* Вы собираетесь позволить мнению других помешать вам жить так, как вы считаете морально правильным?

Подумайте об этом. Если вы теперь понимаете, что употребление животной пищи неправильно по той же причине, по которой сделанное Майклом Виком является неправильным, почему вас должно беспокоить, испытывают ли другие негативную реакцию на тему ваших моральных оценок? Возможно даже, учитывая, что члены вашей семьи и друзья скорее всего хорошие люди, вы захотите обсудить с ними, почему они должны смотреть на ситуацию точно также, как и вы. Вероятно, вы не пойдете ради других на компромисс в отношении остальных ваших нравственных установок, значит вам не следует потреблять продукты животного происхождения для того, чтобы сделать их счастливыми, теперь, когда вы поняли, что наше привычное моральное рассуждение исключает это.

Подумайте об этом в контексте Майкла Вика.

Вы высказываете своему другу возмущение тем, что сделал Майкл Вик, и ваш друг отвечает, что она не согласна, и очень хочет вместе с вами посетить собачьи бои. Представьте, что она говорит, что для нее это действительно очень важно. Она очень разозлится, если вы не пойдете.

Пойдете ли вы, чтобы порадовать ее?

Подобный же анализ применим в контексте потребления пищи животного происхождения или любой другой деятельности, о которой вы сделали вывод, что она аморальна. Вам никогда не следует делать что-либо, что вы считаете аморальным, просто потому, что кто-то хочет, чтобы вы это делали.

Ответ с практической точки зрения: большинство людей не будет просить вас пойти на собачьи бои, но многие из них будут реагировать негативно, если вы не потребляете продукты животного происхождения.

Почему это так?

Ответ сложен, по крайней мере, в двух отношениях.

Во-первых, многое из нашей социальной жизни вертится вокруг еды и многие из наших взаимодействий с семьей и друзьями происходят в контексте еды. И, как мы упоминали ранее, является фактом, что вследствие привычки и при совершенном отсутствии какой-либо необходимости, многие люди до сих пор полагают, что есть означает есть продукты животного происхождения; что вы нормально не поели, если на столе не было мертвого животного или продуктов животного происхождения. Когда вы заявляете, что не употребляете продукты животного происхождения, вы, в сущности, вычеркиваете первоначальный способ взаимоотношений с этим человеком в прошлом и можете быть обеспокоены тем, как вы станете относиться к этому человеку в будущем.

Если поставить вопрос по-другому, вы ели мертвую птицу в доме своей бабушки на День Благодарения в течение многих лет. И теперь вы говорите своей бабушке, что больше не едите птицу и будете есть только еду не-животного происхождения, которую она приготовила. Вам будет вполне достаточно брюссельской капусты, печеной картошки, салата, и т.д. Она расстраивается, потому что воспринимает вас как говорящего, что, хотя вы и собираетесь сидеть за одним столом с остальными, вы на самом деле не едите блюдо. Вы в действительности не едите обед по случаю Дня Благодарения вместе. Символическая функция еды была разрушена.

Во-вторых, когда вы сообщаете членам своей семьи или друзьям, что больше не едите животную пищу и делаете это потому, что считаете это аморальным, то, что они слышат, это ваши слова о том, что *они* аморальные люди. Они оскорбляются.

Их реакцию можно понять, потому что, хотя весь вопрос о поедании животных должен быть настолько же ясен, как и собачьи бои Майкла Вика, он таковым не является. Употребление продуктов животного происхождения глубоко проникло в культуру. Их ест большинство людей. Большинство людей полагает, что это «нормально», и — если нормальность определяется тем, что делает большинство людей, по крайней мере, в богатых Западных обществах, — это действительно так. Вас воспринимают как выражающего своеобразное мнение, которое понимается эквивалентно высказыванию, что вы не едите красные яблоки, потому что считаете это аморальным, и, что ещё хуже, потому что считаете, что каждый, кто ест красные яблоки, также является аморальным. Дело не только в том, что вы не отмечаете ужин по случаю Дня Благодарения со своей бабушкой, поедая только капусту и салат; вы говорите бабушке, что она *плохой* человек.

Вследствие этих двух практических причин очень важно понимать, что даже если вы понимаете аморальность использования животных для еды, потому что это причиняет ненужные страдания, и понимаете это совершенно ясно, то же самое не является правдой для людей, которые ещё не достигли такого морального восприятия. Очень важно, чтобы вы помнили об этом в вашем общении с ними и помогли им получить такое моральное восприятие, объясняя причины, заставившие вас прекратить потреблять продукты животного происхождения, и обращая их внимание на то, что они находятся в согласии с теми же общепринятыми моральными принципами, которые привели вас к вашему решению.

Другими словами, вы начинаете с Майкла Вика.

Идея не в том, чтобы осуждать людей; идея в том, чтобы просвещать людей о том, как то, во что они уже поверили, направляет их по вашим стопам и это их непоследовательность, а не ваше поведение, является проблемой.

Но опять же, акцент делается на поведении и дискуссии о том, почему мы делаем то, что большинство из нас считает неправильным. Не нужно фокусироваться на моральных недостатках человека.

Другими словами, не говорите бабушке, что она зло. Объясните ей, что вы не едите индейку по той же причине, по которой бабушка считает, что собачьи бои — это неправильно. Она может не согласиться с вами (по крайней мере, сначала) и не присоединится к вашему ужину по случаю Дня Благодарения с брюссельской капустой, картошкой и салатом, но она поймет, почему вы так поступаете, и поймет, что вы не отвергаете и не осуждаете ее. Вы просто поступаете сообразно тому, во что все мы (включая бабушку), по нашим словам, верим: что причинение ненужных страданий является аморальным.

Если вы ведете мягкую, но убедительную работу по просвещению людей, вы можете столкнуться с негативной и даже враждебной реакцией.

Но, в конце концов, вы должны задать себе два простых вопроса: 1) серьезно ли я отношусь к морали; и 2) готов ли я действовать в согласии с тем, к чему, как я утверждаю, отношусь серьезно?

Забота о других означает, что вы находите время, чтобы объяснить, почему вы так думаете, и почему ваше поведение соотносится с вашими моральными принципами. Но забота *не* означает делать то, что вы считаете неправильным, потому что кто-то другой этого хочет. Поэтому, просвещайте и объясняйте.

Если кто-то становится враждебным и говорит, что их счастье обусловлено нарушением вами ваших моральных принципов, вы должны спросить себя, почему ваша реакция должна быть иной, кроме сожаления.

Но... Мой партнер не согласится с этим, даже если я захочу.

Это вариант предыдущего «Но», но более фокусируется на проблеме проживания с кем-то, кто не ест то же, что и вы, так что приготовление пищи становится более сложным с практической точки зрения.

Мы много раз за последние годы сталкивались с этим «Но» в плане консультирования новых веганов как вести себя в такой ситуации. Мы делимся нашими мыслями здесь.

Во-первых, в подавляющем количестве случаев, другой партнер может быть не в восторге с самого сначала, но как только объяснены доводы морали, этот человек начинает более охотно вас слушать и иногда даже начинает испытывать энтузиазм в отношении перехода на веганскую диету.

Как и все ситуации, в которых человек, состоящий в отношениях, имеет иную моральную точку зрения на проблему, такой человек должен потрудиться обучить своего партнера. Иногда партнера удастся убедить, иногда нет. Но мы знаем много людей, которых удалось убедить, и кто ест веганскую пищу, по крайней мере, дома.

Крайне важно, чтобы другого партнера просвещали, а не принуждали в связи с моральной проблемой. И это верно для образования в целом. Никто не учится, если вы кричите на них или заставляете их чувствовать себя морально ужасными или бестолковыми. Учитывая распространенность потребления продуктов животного происхождения в нашем обществе, многие люди считают веганскую диету «экстремальной». Хотя, как мы уже обсуждали и будем обсуждать позже, мы считаем, что есть много разумных причин отвергать такое мнение, факт остается фактом, что оно является доминирующим. Поэтому мы должны учить, но учить мягко.

Также рекомендуется партнеру-вегану стремиться готовить или покупать аппетитные веганские блюда, чтобы другой партнер не покупался на лживые мнения, что веганская еда скучная и безвкусная. Из нашего опыта, партнеры бывают обычно приятно удивлены, какой вкусной, интересной и разнообразной является веганская еда. Они часто с радостью делятся опытом исследования многих вкусных новых блюд и видов кухни. Некоторые ресурсы, о которых мы упомянем позже, помогут в этом вопросе.

Во-вторых, ситуация двух (или более) людей, живущих вместе, которые не любят или не едят ту же еду, достаточно распространена. Если веганская сторона не возражает против присутствия продуктов животного происхождения в доме по моральным соображениям, практическая проблема разрешается легко. С минимальными усилиями большинство блюд могут быть легко адаптировано во время приготовления так, чтобы угодить обоим вегану и не вегану, путем, например, добавления тофу или бобов в одну порцию, а мяса в другую. Нет необходимости готовить два отдельных блюда.

Но... Разве питаться веганской пищей не дорого и сложно?

Ни то, и ни другое; это и не сложно, и не дорого.

Насчет сложности, подумайте: фрукты, овощи, бобовые, злаки, орехи, источник В12, такой как дрожжи, и источник незаменимых жирных кислот, такой как лен или семена чиа, грецкие орехи, или добавка на основе морских водорослей. Все, что вам нужно, чтобы питаться веганской пищей, доступно любому в любом месте.

Вы можете добавлять специи и готовить эту еду так же, как вы добавляете специи и готовите еду животного происхождения, и люди всегда поражаются, как вкусна веганская еда.

Если вам нужна готовая веганская еда, то ее тонны. Как мы упоминали ранее, существуют веганские заменители мяса, сделанные из сои, сейтана или других растений; виды молока (и используемые для кофе сливки), сделанные из сои, риса, миндаля, конопли или льна; мороженное, сделанное из сои, риса, миндаля или кокоса; и сыры, сделанные из сои, риса, миндаля или кешью, в том числе, плавящиеся, для веганской пиццы, запеканки, или лазаньи.

Многие готовые веганские блюда имеют высокое содержание соли и маленькую питательную ценность, также, как и готовые блюда, содержащие продукты животного происхождения. Однако готовые веганские продукты не содержат животного жира, который поднимет ваш холестерин и уровень содержания других жиров.

Если вам нужны рецепты, наберите «веганские рецепты» в любой поисковой системе, и вы найдете их десятки тысяч. Если вам нужна веганская поваренная книга, их сотни. Есть книги по сырым продуктам, по продуктам, не содержащим глютен, и книги о пище, приготовляемой всеми мыслимыми способами и в каждой национальной кухне.

Некоторые веганские рецепты сложны и требуют времени, также, как и некоторые рецепты, содержащие продукты животного происхождения. Но большинство легки и их приготовление занимает менее 30 минут.

Некоторые люди спрашивают, как мы можем быть веганами, когда мы путешествуем. Ответ заключается в том, что сейчас легко достать веганскую еду практически везде. Даже если вы окажетесь где-нибудь, где будет одно мясо и молочные продукты, вы всегда можете съесть салат с различными овощами и бобовыми.

Но что, если вы живете в таких местах, как Северный Полярный круг? Можете верить этому или нет, когда мы рассказываем о том, как легко быть веганом, нам часто задают подобные вопросы. Короткий ответ заключается в том, что овощи, фрукты, бобовые, злаки, орехи и семена есть практически везде, включая Полярный круг. Нам никогда не задавали этот вопрос те, кто живет за Полярным кругом или в удаленных и очень холодных частях Канады. Однако нас спрашивали об этом многие люди, живущие в таких местах, как Нью-Йорк или Лос-Анджелес.

Наши привычки в еде — всего лишь привычки. По сути в веганской диете нет ничего трудного. Она просто требует, чтобы мы приобрели новые привычки — их не так много, фактически, учитывая, что большинство из нас уже ест овощи, фрукты, злаки, бобовые, орехи и семена. Действительно, главное изменение привычки связано с заботой о том, что мы больше не едим, а не о том, что нам есть, чтобы заменить эти продукты животного происхождения. И большинство новых веганов поражается замечательному разнообразию вкусных и питательных продуктов, которые они бы даже не пробовали, если бы не перешли на веганский рацион!

Как обстоит дело с информацией по питанию для находящихся на веганской диете? Есть много ресурсов. Мы считаем, что Джоел Фёрман (Joel Fuhrman M.D.) (www.DrFuhrman.com) является всесторонним, надежным и доступным. Доктор Фёрман — врач и веган всю свою жизнь, имевший дело

практически с любым вопросом по питанию, который можно себе вообразить. Кроме того, информация о питании и широкий выбор простых и вкусных рецептов размещены на нашем сайте HowDoIGoVegan.com.

Бытует мнение, что если вы решите перестать есть продукты животного происхождения, вам нужно собираться переезжать жить в коммуну хиппи (если вы сможете найти такую) и начинать выращивать и готовить свою собственную еду.

Это ведь просто глупо. Если вы решите перейти на веганскую диету прямо сейчас, вы сможете узнать все, что нужно знать, чтобы сделать успешный старт за два часа и быть на правильном пути.

Что касается расходов, диета из фруктов, овощей, бобовых, злаков, орехов и семян дешевле, чем диета, которая включает мясо, молочные продукты и яйца. В большинстве случаев, веганская диета будет намного дешевле. Готовая веганская еда иногда может быть дороговата, но упаковка соевых бургеров обычно не более дорогая, и часто менее дорогая, чем сопоставимое количество мяса. Но, как мы упоминали выше, обработанные пищевые продукты, веганские или животного происхождения, не являются особо здоровой пищей.

Некоторые люди отмечают, что натуральные овощи и фрукты часто более дороги, чем продукты животного происхождения. Это может быть верно в некоторых случаях, но натуральная растительная еда в действительности не более дорогая, и, на самом деле, значительно менее дорогая, чем натуральные продукты животного происхождения — и это правильный стандарт для сравнения.

Наконец, некоторые люди утверждают, что питаться веганской пищей является «элитарным». Мы не уверены в том, что они подразумевают под этим. Как мы уже говорили, растительная диета неизменно дешевле, чем диета, которая включает продукты животного происхождения. И в мире много людей, которых можно назвать как угодно, но не богатыми, чей рацион целиком или практически целиком состоит из растительной еды. В любом случае, чтобы не имелось в виду под характеристикой веганской диеты как «элитарной», мы можем предположить, что нет *ничего* более элитарного, чем идея, что наше удовольствие вкуса может служить оправданием причинению страданий и смерти чувствующему существу, которое ценит свою жизнь так же, как и мы свою.

Но... Я слишком стар, чтобы меняться.

Вы никогда не слишком стары, чтобы делать что-то, что вы считаете, вам следует делать, и ваш возраст никогда не может быть уважительной причиной.

Подумайте об аналогии, затрагивающей права человека: скажет ли кто-нибудь, кто пришел к выводу об аморальности расизма, «Но я слишком стар, чтобы меняться?»

Если вы считаете аморальным участвовать в ненужных страданиях и гибели животных, тогда вы должны поступать в соответствии с этим нравственным убеждением, также, как и любым другим. Кстати, как мы уже объяснили, совсем не сложно убрать из своего рациона мясо, молочные продукты и яйца.

Но... Я слишком молод, чтобы меняться.

Это «Но» часто употребляется молодыми людьми, обычно несовершеннолетними, которые все еще живут в доме своих родителей и когда их родители обеспокоены, что веганская диета не будет питательной. Эта еще одна ситуация, с которой мы очень часто сталкивались.

Достойная доверия информация, широко доступная, о которой мы упоминали ранее, довольно ясна: разумная веганская диета, по крайней мере, настолько же здорова, как и диета, содержащая продукты животного происхождения, и многие уважаемые специалисты по охране здоровья сходятся во мнении, что даже *более* здорова. Так дети, жаждущие стать веганами, могут предоставить своим родителям изобилие информации, которая развеет все мифы о веганской диете и ответит на любые конкретные опасения, имеющиеся у родителей.

Конечно, есть родители, которые возражают против такого рода изменения не потому, что они озабочены здоровьем, а потому, что просто считают это странным, или потому, что не хотят, чтобы их дети отличались от других, особенно тем, чем сами родители не отличаются, или потому что они думают, что их ребенок просто вырастет.

Хотя мы думаем, что родители были бы очень рады, что их ребенок думал о каком-то моральном вопросе самым серьезным образом — учитывая, что многие дети не задумываются ни о чем подобном, потому что главные средства массовой информации прилагают все усилия, чтобы этого не происходило — мы согласны, что некоторые родители могут возразить по основаниям, отличным от заботы о здоровье. Все, что мы можем сказать, что некоторым детям просто придется признать тот факт, что они более развиты нравственно, чем их родители, и им придется подождать, пока они пойдут в колледж (где очень легко питаться по-вегански) или пока они иным образом не покинут дом.

Если возражение родителей состоит в том, что нужно тратить больше времени и сил на приготовление отдельных блюд, молодой человек может захотеть сам научиться готовить для себя. Они могли бы также рассмотреть вариант, например, приготовления веганской еды для всей семьи один раз в неделю. Это способ просвещения семьи на тему питательной и привлекательной веганской еды и, в тоже время, предоставление родителям желанной возможности отдохнуть от приготовления пищи. Очень мало родителей, которые возражали бы против этого!

Но... Что если я не могу сразу отказаться от всех продуктов животного происхождения?

Конечно, можете!

Как мы объяснили в предыдущем разделе, перейти на веганскую диету проще простого! Мы говорим это вам прямо сейчас — вы *можете* сделать это!

Однако, если эта идея слишком трудна для вас, хотя она и не должна быть таковой, мы рекомендуем вам приступить к ней путем перехода на веганскую диету в четыре простых шага.

Станьте веганом на завтрак в течение недели, или двух, или столько долго, сколько нужно, чтобы убедиться, что вы можете, это легко и вы не умрете, и не ослепните, и ничего другого с вами тоже не случится. Завтрак очень легко сделать веганским.

И затем станьте веганом на обед в течение некоторого периода времени.

И затем станьте веганом на ужин в течение некоторого времени.

Затем станьте веганом во отношении всех перекусов.

И вот теперь у вас уже полностью веганская диета.

Но... Разве употребление продуктов животного происхождения, приготовленных более «гуманно», не может служить хорошим первым шагом?

Нет.

Давайте предположим, что вы сделали для себя вывод, что вы обеспокоены употреблением пищи животного происхождения. Что мы точно не рекомендуем, отвечая на этот вопрос, так это ваше решение в качестве «промежуточной» меры есть «счастливое» мясо, сделанное из животных, якобы выращенных и убитых «гуманно»; или пить «счастливое» молоко от коров, с которыми якобы обращались «сострадательно»; или есть яйца от кур, содержавшихся в более просторных «улучшенных» клетках или в одной большой клетке, называемой загон «без-клетки».

Наше неприятие «счастливых» продуктов животного происхождения не только в том, что мы считаем эти «улучшения» в действительности не являющимися таковыми и, как мы обсуждали это ранее, на самом деле напоминающими наложение мягкой обивки на приспособления для пытки водой в Гуантанамо. Наше неприятие в том, что такое «решение» лишено смысла, учитывая общепринятый взгляд, который по нашим словам мы разделяем.

То есть, хотя мы полагаем, что эти «улучшения» делают очень мало, если не ничего, что если они все-таки приносят какую-то пользу? Что, если бы они уменьшили в целом страдание животных на 50% или 80%? Было бы сверх абсурдно делать подобные заявления, но давайте ради дискуссии предположим, что это так.

И что?

Давайте рассмотрим пример с участием людей. Мы все согласны с тем, что неправильно причинять ненужные страдания детям. Мы все согласны с тем, что причинять страдания детям ради удовольствия ужасно с точки зрения морали, потому что это было совершенно ненужным с точки зрения любого человека на то, в чем состоит настоящая дисциплина для детей. То есть, даже если вы считаете нормальным шлепнуть ребенка в некоторых обстоятельствах, никто не считает нормальным шлепать его ради удовольствия.

Предположим, что Джон и Мэри строго шлепают своего ребенка ради удовольствия. Вы приходите от этого в ужас. Предположим, что или потому, что ответственным органам все равно, что, несмотря на то, во что нам хотелось бы верить, часто бывает во многих местах, или потому, что Джон и Мэри будут убедительно лгать властям и утверждать, что ребенок себя плохо вел и заслужил порку, вы решаете вмешаться и поговорить с Джоном и Мэри.

Они соглашаются с вами, но их решение в том, чтобы использовать более мягкий ремень или сократить количество ударов на половину или больше.

Разве это лучше?

Конечно, да.

Разве это правильно?

Абсолютно нет!

С точки зрения экономической реальности идея о том, что мы *когда-нибудь* сократим страдания миллиардов животных, используемых для еды, на 50% или даже на 20% или на 30% — и мы буквально имеем это в виду — наравне с верой в Санта Клауса. Это *фантазия*. Точка.

Но даже если бы мы могли сократить их на 50% или более, будет ли это правильным, учитывая, что мы — вы — считаем, что неправильно причинять животным ненужные страдания?

Абсолютно нет.

Поэтому, если вы действительно верите в то, во что, по вашим словам, вы верите — что животные имеют моральное значение, но люди значат больше и животные проигрывают в любом реальном конфликте — ваша обязанность кристально ясна, вы не можете оправдать никакое страдание, причиненное животным, используемым для еды, и вы обязаны питаться веганской пищей.

Но... Разве переход на вегетарианство не является хорошим первым шагом?

Нет.

Как мы сказали выше, не существует морально значимого различия между мясом и другими продуктами животного происхождения. Молочные продукты и яйца также содержат в себе страдания и смерть. В сущности, если вы перестанете есть говядину и будете получать такое же количество калорий, употребляя яйца, вы можете фактически нести ответственность за большее количество страданий и гибели животных, учитывая, что обычно кур-несушек убивают после одного или двух циклов несения яиц, а всех цыплят-мальчиков, рожденных от кур-несушек, убивают сразу.

В любом случае, индустрии мяса, молочных продуктов и яиц неразрывно связаны. Они все неизбежно несут в себе страдание, они все неизбежно несут в себе смерть. Перестать есть мясо и продолжать есть молочные продукты — это моральный произвол, и напоминает решение перестать есть мясо от пятнистых коров, но продолжать есть мясо коров коричневых. Это не имеет смысла.

Употребление любых продуктов животного происхождения исключая случаи вашего нахождения на необитаемом острове или в спасательной шлюпке без возможности достать растительную еду — *совершенно* не соответствует общепринятому мнению, с которым, как мы говорим, мы согласны.

Как мы обсуждали выше, хорошим первым шагом является не употреблять «счастливые» продукты животного происхождения или делать произвольные различия между мясом и другими продуктами животного происхождения и перестать есть первое, продолжая есть второе. Хороший первый шаг, если вы не чувствуете себя способным стать веганом сразу, это делать это по стадиям, начав с завтрака и затем продолжив.

Но... Если я соглашаюсь с тем, что не могу продолжать есть мясо и другие продукты животного происхождения, должен ли я отказаться от использования животных для любых целей?

Сейчас вы столкнулись с аргументом, что, учитывая то, во что вы, по вашим словам, верите, вы обязаны не употреблять в пищу животных или продукты животного происхождения, потому что их производство без вариантов связано со страданиями, и нашим лучшим оправданием причинению этих страданий или провоцированию их причинения является приятный вкус плоти животных и продуктов, сделанных из них.

Этот аргумент обеспокоил вас, поэтому вы начали задумываться обо всех этих «Но», на которые вы опирались много лет, чтобы избежать прихода к этому выводу раньше. Но затем вы прочитали изложенное выше и теперь должны признать нечто, что вы все это время знали — эти «Но», по большей части, довольно глупые. Так что теперь вы действительно считаете, что веганизм не является такой крайностью, как вы когда-то думали.

Но подождите.

Если вы сделаете этот шаг, — если вы перестаете есть продукты животного происхождения, куда это вас приведет? Можете вы теперь продолжать носить кожу, или шерсть, или мех? Должны ли вы теперь перестать посещать цирки? Обязаны ли вы выступать против использования животных в экспериментах или в тестировании продуктов?

Это дискуссия для другого дня.

В этой дискуссии мы сосредоточены на одной и только на одной вещи: если вы считаете, что Майкл Вик поступил неправильно, устроив бои животных, вы не можете оправдать употребление пищи животного происхождения. Если вы думаете, что животные что-то значат в моральном плане, вы не можете, не став при этом лицемером, продолжать поддерживать страдания и гибель, столь же необоснованные, как те, причиной которых был Майкл Вик.

Точка.

Это и есть то, о чем мы говорим в этой книге.

Мы можем, однако, заверить вас, что, если вы согласитесь с нашим аргументом и перестанете есть продукты животного происхождения, мы думаем, вам станет ясно, как поступать в других вопросах.

Если вы хотите исследовать этический аспект использования животных более глубоко, а также получать практическую информацию о том, как быть веганом, мы приглашаем вас посетить наши сайты:

www.abolitionistapproach.com

www.howdoigovegan.com

В целом, мы рассмотрели все основные «Но», используемые нами для того, чтобы не дать себе увидеть, что нет никакой разницы между тем, что сделал Майкл Вик, и тем, что делают остальные из нас.

Ни одно из этих «Но» не работает. Все «Но» ставки аннулированы, так сказать (в оригинальном английском тексте: “All butts are off the table” игра слов с “All bets are off the table”). Нам тоже просто нужно убрать со стола животных и продукты животного происхождения.

III. Заключение

Дочитав до этого места, вы либо соглашаетесь с нами и признаете, что вы обязаны теперь перейти на веганскую диету, или не соглашаетесь — либо потому, что вы пришли к выводу, что вы в действительности не считаете, что животные имеют моральное значение, либо потому, что вы считаете, что они важны с моральной точки зрения, но по-прежнему не собираетесь менять свое поведение и готовы жить с тем, что это серьезная моральная непоследовательность.

В любом случае, вы не нуждаетесь в том, чтобы мы делали какие-либо выводы за вас.

Если же, однако, вы решили поместить вашу нравственность туда же, где находится ваш рот, и перейти на веганскую диету, мы хотим дать совет: в обществе, в котором большинство людей потребляет продукты животного происхождения и в котором ценится конформизм, и в котором нонконформистское поведение часто расценивается как «экстремальное», вы неизбежно встретите других людей, которые будут вешать на вас ярлыки «экстремиста».

Не позволяйте этому беспокоить вас. Имейте в виду:

Что действительно экстремально, так это есть разлагающуюся плоть, пить молоко, созданное для детеныша другого биологического вида и есть неоплодотворенные яйца птиц.

Что действительно экстремально, так это то, что мы считаем одних животных членами нашей семьи, но в то же самое время втыкаем вилки в трупы других животных.

Что действительно экстремально, так это считать, что морально приемлемо причинять страдания и смерть другим чувствующим созданиям просто потому, что нам нравится вкус продуктов животного происхождения.

Что действительно экстремально, так это то, что мы заявляем о нашем признании того, что «не-нужные» страдания и смерть не могут быть морально оправданы, и затем ежедневно возобновляем наше участие в эксплуатации, в которой совершенно нет нужды.

Что действительно экстремально, так это то, что мы подвергаем резкой критике людей, подобных Майклу Вику, продолжая одновременно с этим употреблять в пищу продукты животного происхождения.

Что действительно экстремально, так это делать вид, что мы миролюбивы, при том, что мы делаем насилие, страдание, пытки и гибель ежедневной частью наших жизней.

Что действительно экстремально, так это то, что мы говорим о нашей заботе о животных и считаем их членами нашего морального сообщества, но спонсируем, поддерживаем, поощряем и продвигаем схемы маркировки «счастливого» мяса/молочных продуктов.

Что действительно экстремально, так это не есть плоть, но продолжать употреблять молочные продукты, когда нет абсолютно никакого рационального различия между мясом и молочными продуктами (или другими продуктами животного происхождения). В молочных продуктах, яйцах, и так далее, столько же страдания и смерти, сколько и в мясе.

Что действительно экстремально, так это то, что наш рацион вызывает болезни и приводит к экологическим бедствиям.

Что действительно экстремально, так это то, что мы поощряем наших детей любить животных и в то же самое время учим их, что те, кого они любят, могут быть одновременно теми, кому они причиняют вред. Мы учим наших детей тому, что любовь к другим может сочетаться с причинением им вреда. Вот это по-настоящему экстремально, и — очень печально.

Что действительно экстремально, так это фантазия, что мы когда-нибудь найдем наш нравственный компас в отношении животных, пока они на наших столах.

Что действительно экстремально, так это то, что мы говорим, что заботимся о животных, но продолжаем употреблять в пищу животных и продукты животного происхождения.

Спасибо за то, что прочитали книгу «Еда как проявление твоей заботы»! Дополнительную информацию о практическом веганстве и правах животных вы можете изучить на русскоязычных сайтах:

www.veganim.ru

www.abolitionism.ru

Для Дальнейшего Чтения

На тему этики взаимоотношения с животными

Книги:

Gary L. Francione / Гэри Л. Фрэнсион:

The Animal Rights Debate: Abolition or Regulation? (with Robert Garner)
(Columbia University Press 2010) [Дебаты о Правах Животных: Отмена или Регулирование (с Робертом Гарнером)]

Animals as Persons: Essays on the Abolition of Animal Exploitation (Columbia University Press 2008)
[Животные Как Личности: Эссе на тему Отмены Эксплуатации Животных]

Introduction to Animal Rights: Your Child or the Dog? (Temple University Press 2000) [Введение в Права Животных: Ваш Ребенок или Собака?]

Gary Steiner / Гэри Стейнер:

Animals and the Moral Community: Mental Life, Moral Status, and Kinship (Columbia University Press 2008) [Животные и Моральное Сообщество: Ментальная Жизнь, Моральный Статус и Доброта]

Online Resources / Ресурсы в Интернет:

www.AbolitionistApproach.com

www.HowDoIGoVegan.com

www.facebook.com/abolitionistapproach

www.twitter.com/garylfrancione

www.youtube.com/channel/UC_qKzDKiOkCjkz0JKI1BufA

На тему питания и медицины

Мы считаем Джоела Фёрмана (Joel Fuhrman, M.D.) единственным самым надёжным источником информации на тему питания и медицины применительно к растительной диете. Доктор Фёрман подходит к вопросу с точки зрения здоровья, а не этики взаимоотношения с животными. Вы найдёте его книги и другие образовательные материалы на сайте: www.DrFuhrman.com

На тему практической информации о веганизме

Наш сайт www.HowDoIGoVegan.com ориентирует вас в плане практических аспектов перехода на веганизм, не только применительно к диете, но также в отношении максимально возможного

отказа от использования животных во всех сферах жизни. Кроме того, этот ресурс поможет вам понять веганизм с позиции этики взаимоотношения с животными, разработанный нами за эти годы, которую мы называем Аболиционистский Подход к Правам Животных.

Об Авторах

Гэри Л. Фрэнсион является Членом Совета Управляющих Заслуженным Профессором Права и обладателем титула Николас ДеБи. Катценбах Ученый в области Права и Философии (*Nicholas deB. Katzenbach Scholar of Law and Philosophy*) в Школе Права Университета Ратгерс (*Rutgers University School of Law*).

Анна Чарлтон является Адъюнкт-Профессором Права в Школе Права Университета Ратгерс. Она была со-основателем и со-директором (вместе с Гэри Л. Фрэнсионом) Клиники Прав Животных Ратгерс с 1990 по 2000 годы.